

М. И. Богданович

ИСТОРИЯ

войны 1814 года
во Франции
и низложения
Наполеона I

Модест Богданович
**История войны 1814
года во Франции**

Издательство «Кучково поле»

1865

Богданович М. И.

История войны 1814 года во Франции / М. И. Богданович —
Издательство «Кучково поле», 1865

ISBN 978-5-9950-0431-8

В книге генерал-лейтенанта Модеста Ивановича Богдановича (1805-1882) "История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I" описаны военные действия от перехода союзных армий на левую сторону Рейна до окончания войны и заключения Парижского мира. В конце книги помещены приложения: ведомости о составе и числе армий, корпусов и отдельных отрядов в 1814 г., официальные бумаги и письма, указание источников. Среди документов – переписка императора Александра I с монархами союзных держав, декрет французского сената о низложении Наполеона и другие важные исторические материалы.

ISBN 978-5-9950-0431-8

© Богданович М. И., 1865

© Издательство «Кучково поле», 1865

Содержание

Предисловие	5
Глава I	8
Глава II	21
Глава III	25
Глава IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Модест Иванович Богданович История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I

Предисловие

Зарю светлой надежды встретила Россия при восшествии на престол любимого внука Великой Екатерины, Александра I. Во цвете лет, уже наученный невзгодами не вполне доверять людям, но не утратив веры в доброе и прекрасное, император Александр посвятил первые годы своего владычества преобразованиям государственного быта. Но, между тем, на другом конце Европы гениальный воин, достигший победами господства над Францией, не довольствуясь столь высокой долей, возомнил повелевать всеми своими соседями. Император Александр не мог оставаться равнодушным свидетелем притеснений, совершаемых по праву сильного. Он предложил великим германским державам дружно соединиться на общую защиту. Но, к сожалению, австрийцы и пруссаки – братья по происхождению и языку – были разрознены многолетним соперничеством. Наполеон, пользуясь тем, обрушился на Австрию. Напрасно Александр убеждал прусское правительство содействовать его великодушным усилиям; потомки героев Семилетней войны, считая себя непобедимыми, не видели разверстой перед ними пропасти, остались в бездействии и дорого заплатили за преступное равнодушие к судьбам Германии. Император Александр, сделав все зависевшее от него для своих союзников, истощив в их пользу собственные средства, заключил мир с Наполеоном в Тильзите.

Соблюдение условий Тильзитского трактата было выгодно как для России, так и для Франции, однако же, несмотря на то, они вскоре были нарушены французским правительством. Александр старался устранить обоюдные притязания дипломатическим путем и предлагал войти в соглашение даже тогда, когда Наполеон уже переступил русские пределы. «Россия увлекается Роком», – отвечал завоеватель, гордясь армиями двадцати народов. С этой минуты российский монарх отказался от переговоров с Наполеоном, «пока хотя один вооруженный неприятель оставался на Русской земле». Прошло полгода, и... войска Александра стерли с лица ее последние остатки вражеских армий. Нетрудно было императору Александру тогда заключить выгодный мир. Наполеон предлагал ему помириться, еще находясь с огромной армией в Москве. Но когда Пруссия, восстав против общего притеснителя, составила первое звено союза германских держав, Александр решил продолжить войну и, отстояв честь, славу и независимость России, содействовать освобождению Европы от тяжкого ига.

Французам удалось победить союзников при Люцене и Бауцене, но обе сии битвы не имели никаких важных последствий. Наполеон, победив, но сознав свое бессилие, согласился на перемирие.

Начались переговоры. Союзники предложили мир, оставляя Франции значительную часть ее завоеваний, но император Александр, предвидя, что Наполеон никогда не захочет восстановить в прежних пределах глубоко оскорбленную им Пруссию, возобновил борьбу. Народное побоище под Лейпцигом открыло союзникам путь к Рейну; Наполеон во второй раз лишился огромной армии, и, несмотря, однако же, на то, Австрия, довольная одержанными успехами, готовилась заключить мир, оставив общему врагу Рейн и Альпы. Нет сомнения – и сам император Александр был уверен в том, – что Наполеон, все еще располагая богатыми средствами, недолго оставался бы в покое и вскоре предпринял бы возвратить потерянные им владения вне так называемых *естественных пределов Франции*. Но, к счастью Европы, на страже ее стоял Александр.

Под его влиянием начался новый поход, в недрах самой Франции, которой легионы доселе безнаказанно вторгались в другие страны, – поход, решивший судьбу Наполеона. Величайший полководец нашего века совершил славные дела и пал в неравной борьбе. Продолжительное сопротивление французов несравненно сильнейшим союзникам подало повод к ложным суждениям. Приверженцы Наполеона, преувеличивая его подвиги, придавая им какое-то сверхъестественное магическое значение, не входили в исследование обстоятельств, облегчавших его успехи, и не объясняли их причин. Отдавая должную справедливость искусству некоторых действий Наполеона в войну 1814 года, постараюсь по возможности выказать, насколько способствовали ему ошибки его противников, разногласие союзников в политическом и военном отношении и влияние случая, играющего столь важную роль в военном деле. Только лишь верная, беспристрастная оценка всех этих данных может представить в настоящем виде мировые факты войны 1814 года, падения Наполеона и восстановления Бурбонов. На скрижалях истории, как в верном зеркале, должны отразиться и влияние этих событий на дух и судьбу народов, и степень участия в действиях каждого из деятелей. Наряду с военными доблестями французов надлежит показать, до какой степени равнодушия к общей пользе и народной славе довело себялюбивое господство Наполеона над народом, стонавшим под его железной рукой, и ближайших его сподвижников, осыпанных наградами и милостями. Счастливым сочту себя, если мой труд сколько-нибудь послужит к рассеянию ложных показаний, коими враги России мнили затмить славу, приобретенную ценой крови храбрых. У нас нет горделивых памятников, подобных тем, коими французы торжествуют дорого им стоившее взятие Севастополя; наши памятники – дела наших воинов и подвиги добра, совершенные императором Александром: их признали друзья и недруги, и ничто не может изгладить их из памяти народов. Эпоха покорения Парижа и первого Парижского мира была апогеем славы Александра I и стремления его ко благу человечества. Начиная с Венского конгресса он стал убеждаться на опыте, что его благодетельные намерения не могли иметь ожидаемых им последствий, и вскоре принужден был отказаться от своих чистейших убеждений.

Предположив начертать по возможности полную картину событий 1814 года во Франции, я отказался от описания действий в Италии и Испании, но не упустил из вида влияния их на судьбы Наполеона и Французской империи.

Первый том моего сочинения заключает в себе изложение событий от перехода союзных армий на левую сторону Рейна до окончания войны первым Парижским миром. Во втором же томе помещены Приложения, а именно: 1) ведомости о составе и числе армий, корпусов и отдельных отрядов, в различные эпохи 1814 года; 2) официальные бумаги и письма; 3) карты и планы; 4) указания источников.

Все планы сражений составлены сходно с топографическими картами, современными войне 1814 года, и, кроме того, я, обозрев поля всех наиболее замечательных дел, старался по расспросам у жителей узнать свойства сих местностей во время описанных мною действий.

В числе важнейших документов, помещенных в Приложениях, долгом считаю указать следующие:

В Приложении к главе V: депешу, найденную у захваченного в плен перед сражением при Ларотьере полковника Бернара.

В Приложении к главе VI: письмо императора Александра к императрице Марии Федоровне после сражения при Ларотьере.

В Приложении к главе XI: записку о действии 23-й конной роты полковника Маркова в деле при Мормане.

В Приложении к главе XII: 1) повеления императора Александра I и короля Фридриха-Вильгельма III фельдмаршалу Блюхеру от 13 (25) февраля из Бар-сюр-Об; 2) письмо графа Радецкого к князю Волконскому от 28 февраля из Коломбей.

В Приложении к главе XV: письмо принца прусского Вильгельма к генералу Йорку.

В Приложении к главе XIX: 1) протокол конференции 29 января н. ст. в Лангре; 2) собственноручные замечания императора Александра на вопросы, предложенные Венским Двором; 3) мнение государя о необходимости продолжать войну; 4) протокол совещания в Бар-сюр-Об 13 (25) февраля; 5) декларацию о прекращении переговоров в Шатильоне.

В Приложении к главе XXII: слова, сказанные императором Александром Михаилу Федоровичу Орлову при отправлении его на переговоры о сдаче Парижа.

В Приложении к главе XXIII: декларацию императора Александра по вступлении в Париж.

В Приложении к главе XXIV: декрет французского Сената о низложении Наполеона.

В Приложении к главе XXV: письмо императора Александра к королю Людовику XVIII.

Глава I

Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию

Положение Франции в конце 1813 года. – Наклонность к миру обеих сторон. – Виды союзников. – Равнодушие Германии к общему делу. – Политика первостепенных держав. – Преобладание «партии мира». – Союзники открывают переговоры с Наполеоном. – Условия, ими предложенные во Франкфурте. – Безвыходное положение Наполеона. – Чрезвычайные конскрипции. – Меры, принятые для возбуждения французов к народным вооружениям. – Расстройство финансов и меры, принятые для удовлетворения военным издержкам. – Переписка вследствие франкфуртских предложений. – «Партия войны» одерживает верх в Совете союзников. – Декларация 19 ноября (1 декабря). – Наполеон решается созвать народных представителей. – Адресы Сената и Законодательного собрания. – Негодование Наполеона. – Последствия того.

В конце 1813 года союзники достигли Рейна. Германия была освобождена от Наполеона, и хотя французские знамена еще развевались на стенах немногих крепостей, в тылу союзных армий, однако же, участь защитников этих твердынь не подлежала сомнению: они были обречены гибели и плену. Наполеон, после сражения при Ганау отступив за Рейн с остатками многочисленной армии, не превышавшими семидесяти тысяч человек, лишился большей части их от тифозной горячки – следствия трудов и лишений последней кампании. Конскрипты, высылаемые на пополнение армии, не успевали замещать убылых людей и гибли вместе со старыми солдатами. Войнолюбивая Франция, потеряв цвет своего народонаселения в России и Германии, жаждала мира. Ближайшие сподвижники Наполеона, пресыщенные почестями и не имевшие возможности пользоваться приобретенным ими достоянием, перестали мечтать о новых победах и славе¹. До 1813 года Наполеон столь же неумеренно пользовался средствами подвластных ему стран, сколько и самой Франции: в 1812 году половина его армии, наводнившей Россию, состояла из иностранцев, но по отступлении за Рейн у него кроме французов остались лишь немногие поляки – остатки легионов, усеявших своими костями Европу от Волги до Тага. Союзников у него не было, потому что из германских владетелей, ему преданных либо находивших выгоду поддерживать его владычество, одни бежали из своих столиц, а другие торопились пристать к стороне союзников. В таких обстоятельствах, когда у Наполеона не было ни собственных средств для ведения войны, ни надежды на постороннюю помощь, он, видя во Франции общую жажду к миру, не хотел, однако же, купить его ценой каких-либо важных уступок, да ежели бы и решился на такой мир, то единственно в надежде оправиться, собраться с силами и рано или поздно возвратить все потерянное. Причину тому должно искать в положении счастливого воина, проложившего мечом себе путь к престолу. Всякая уступка союзникам могла бы помрачить лучезарное сияние прежних побед его и усилила бы враждебные ему партии во Франции. Наполеон, будучи принужден продолжать войну до последней крайности и зная весьма хорошо, что неудачи всех прежних коалиций против Франции преимущественно происходили от разногласия их членов, старался поселить раздор между союзниками. Не надеясь привлечь на свою сторону ни императора Александра, ни верного союзника и друга его короля прусского, Наполеон питал надежду, что родственные связи его с Австрийским Домом не позволят императору Францу довести дело до крайности, и коснел в своем убеждении, несмотря на предостережения Меттерниха, державшего в руках все запутанные нити политики Венского Кабинета. Еще непонятнее были бы надежды Наполеона на Бернадотта, и в особенности после прежних, весьма недружелюбных отношений между ними, если б Берна-

дотт сам не подал повода сомневаться в его преданности общему делу коалиции своими двусмысленными действиями в войну 1813 года². Отложение Мюрата от Франции уже не подлежало сомнению, однако же, несмотря на то, король Иосиф по поручению Наполеона старался убедить своего легкомысленного зятя в неосновательности его поведения³.

Положение императора французов было безвыходно. Союзники знали, что всякий мирный договор с ним был не что иное, как более или менее кратковременное перемирие, и что Европа не могла надеяться на прочное спокойствие, пока Наполеон оставался властителем Франции. Надлежало воспользоваться его ослаблением и довершить одержанные успехи окончательным ударом. Тем не менее, однако же, со стороны союзников проявлялась склонность к заключению мира. Правда, народы Северной Германии, наиболее потерпевшие от ига, наложенного на них Наполеоном, вооружались усердно, зная, что с достижением Рейна еще не было упрочено освобождение их отечества и что следовало довершить дело, отстояв независимость их братьев в зарейнской стране. «Рейн – река Германии, а не граница ее», – восклицал Арндт и повторяли за ним его соотечественники. Но люди более осторожные советовали ограничиться одержанными успехами и воспользоваться ими для достижения мира. Еще были свежи воспоминания невзгод, понесенных германскими войсками в революционные войны и в борьбу с Наполеоном; еще дымились сожженные города и селения и на каждом шагу в Германии встречались лишенные крова, обнищавшие ее жители.

Ослабление Франции было известно союзникам, но не вполне, и прежнее могущество ее, как грозный призрак утрачивая робких, поражало бездействием порывы смелых. Гениальные способности Наполеона и опасения всеобщего восстания французов на защиту страны, побуждали многих влиятельных лиц коалиции предлагать меры предосторожности на случай неудачи дальнейших действий. По-видимому, вторжение в зарейнские области требовало укомплектования союзных армий и обеспечения их с обоих флангов занятием Нидерландов и Швейцарии. Многие из союзных генералов, не довольствуясь тем и считая зимний поход во Францию несбыточным, думали отложить открытие военных действий до весны, а между тем устроить большие склады запасов, приготовить средства к переправе через Рейн и ограничиться осадой Майнца. Даже король прусский полагал, что вторжение в неприятельскую страну не обещало успеха и что гораздо выгоднее было заключить мир⁴. Двадцатилетнее господство Франции до того подавило дух немцев, что помыслы многих из них ограничивались занятием линии по Рейну. Сам пылкий певец независимости Германии Теодор Кернер в начале войны 1813 года возглашал:

«Mit Gott! Einst geht hoch über Feindesleichen
Der Stern des Friedens auf;
Dann pflanzen wir ein weisses Siegeszeichen
Am freien Rheinstrom auf»⁵.

Да и вообще, политика союзных держав склонялась более к миру, нежели к войне.

Австрийское правительство считало Наполеона достаточно ослабленным и надеялось при заключении мира получить беспрекословно свои прежние области в Германии и значительную часть Италии. К тому же ни император Франц, ни полководец его князь Шварценберг, по личным своим качествам, не надеялись играть первостепенной роли на полях битв и в советах европейской коалиции; напротив того, император Александр, постоянно деливший с войсками труды, лишения и опасности походной жизни, господствовавший в совещаниях силой слова, покорявший сердца благодушием и ласковым приветом, был, бесспорно, главой Союза, а король Фридрих-Вильгельм, будучи соединен с ним неразрывной дружбой, всегда и везде держал сторону России. Русские, устояв одни на европейском материке против завоевателя,

покорившего своему произволу прочие державы, имели первый голос в ареопаге Европы. В таких обстоятельствах дальнейшее продолжение войны, могшее послужить упрочению преобладания России, казалось опасным Венскому Кабинету. Родство императора Франца с Наполеоном подавало Меттерниху надежду к заключению тесного союза с Францией для противодействия России и Пруссии, и потому австрийцы были готовы прекратить военные действия ценой всевозможных уступок французскому правительству.

Еще более желали мира южно-германские владетели, члены распавшегося Рейнского союза. С одной стороны, они опасались в случае возобновления Германской империи или разделения Германии на две части, австрийскую и прусскую (как предлагал Штейн), потерять верховную власть над своими землями либо лишиться части их при новом размежевании Европы, а с другой – их тревожили народные вооружения, Tugendbund и вообще всякое проявление духа самостоятельности их подданных. Невозможно было сомневаться в том, что все эти владетели, оставляя Наполеона и присоединяясь к враждебной ему коалиции, руководились не сознанием стыда повиноваться притеснителю их отечества, не убеждением в правоте дела, за которое подвизались союзники, а желанием сохранить свои владения. По мнению Штейна, надлежало поручить управлению Центральной комиссии не только области, завоеванные союзными войсками, но и вообще земли, принадлежавшие второстепенным германским владетелям; однако же все они, за исключением весьма немногих, предупредили угрожавшую им опасность, заключив чрез посредство австрийского правительства договоры о своем присоединении к коалиции. Венский Кабинет, способствуя германским князьям выйти из сомнительного положения, в котором они находились по отступлении французских войск за Рейн, имел в виду приобрести над ними влияние и чрез то не позволить Пруссии занять первое место в Германии⁶. Еще до сражения под Лейпцигом 29 августа (10 сентября) король баварский изъявил императору Александру¹ готовность свою пристать к коалиции против Наполеона, а 26 сентября (8 октября) был заключен в Риде союзный трактат между Австрией и Баварией, впоследствии утвержденный Россией и Пруссией. На основании этого договора, имевшего целью «определить последующие отношения германских владений» («für die nachgerige Gestaltung der deutschen Verhältnissen»), постановлены следующие условия: император австрийский обязался, за себя и за своих союзников, гарантировать королю баварскому полное и самостоятельное обладание всеми землями, коими он владел до начала войны, а король обещал немедленно присоединить свои войска к австрийской армии. По секретным условиям того же трактата, Австрия обязывалась, в случае ежели бы от Баварии при заключении общего мира отошли какие-либо области, настаивать на полном за них вознаграждении. Император австрийский и король баварский взаимно обязались в продолжение настоящей войны содержать постоянно в поле – первый 150 000, а второй 36 000 человек⁷. В декларации от 2 (14) октября баварское правительство, исчислив подробно все жертвы, принесенные Баварией в пользу Франции, поставляло на вид, что Наполеон нарушил принятые им на себя обязательства защищать владетелей Рейнского союза и что если б Бавария продолжала по-прежнему держать его сторону, то подверглась бы всевозможным бедствиям, не имея возможности принести ему никакой пользы. Король виртембергский Фридрих I объявил, что Наполеон не исполнил в отношении к нему обязанности защищать его и что он, присоединяясь к союзным державам, имеет в виду обеспечить спокойствие своей страны⁸. Король надеялся, что союзники, зная его преданность Наполеону, постараются упрочить его расположение к себе увеличением виртембергских владений. Но как при свидании его с союзными государями во Франкфурте о том не было и в помине, то он счел себя вправе не прерывать прежних сношений с Наполеоном и в феврале 1814 года, после побед его над Силезской армией, изъявлял ему желание, чтобы дей-

¹ Император Александр и Максимилиан Иосиф I имели в супружестве сестер великого герцога Баденского.

ствия французов увенчались полным успехом, и готовность свою снова стать под его знамена. Прочие германские князья большей частью также были готовы обратиться на сторону властителя Франции, и потому союзники, в случае неудачи вторжения за Рейн, могли подвергнуться неминуемой опасности⁹. Дальновидный Штейн, прибыв во Франкфурт 1 (13) ноября, в то время, когда многие из германских владетелей еще не присоединились к коалиции, предложил устранить их, поручив управление их землями Центральной комиссии. По мнению Штейна, это способствовало бы извлечь всевозможную пользу из средств, представляемых сими владениями, и облегчило бы существенно будущее устройство Германии. Но союзные монархи не одобрили предположений Штейна, и вместо того чтобы предоставить Центральной комиссии право распоряжаться судьбами Германии, ограничили ее деятельность набором войск и взиманием поставок и налогов в землях, вверенных ее управлению¹⁰. Из числа германских князей лишились владений немногие: король Вестфалии Иероним, брат Наполеона, и малолетний племянник его великий герцог Бергский; великий герцог Франкфуртский (Дальберг), председатель Рейнского союза, удалившийся в свое Констанское епископство; родственник его принц Лейенский и преданный Наполеону принц Изенбургский. Их земли были разделены на два управления (генерал-губернаторства), франкфуртское и бергское, по примеру саксонского: в последнем назначили генерал-губернатором русского генерала, князя Репнина; во Франкфурте был австрийский генерал-губернатор, сперва принц Филипп Гессен-Гомбургский, а потом – принц Рейсский; в бергских владениях – прусский генерал-губернатор, сперва государственный советник Грунер, а потом генерал принц Солмский¹¹.

Вообще владетели бывшего Рейнского союза, будучи предоставлены самим себе, не отличались усердием к общему делу освобождения Германии. Многие из них, нелюбимые своими подданными и не доверявшие им, опасались народных вооружений. Король виртембергский не только затруднял образование ополчения из охотников и ландвера, но хотел арестовать полковника Рюле, занимавшегося их формированием по поручению Центральной комиссии; по его повелению во всей подвластной ему стране были отобраны у жителей ружья, и даже запрещено им держать у себя пики. В таком же духе действовало в Баварии министерство Монжеласа. Наследный принц, преданный делу Германии, не имел никакого веса. Ганноверское правительство не озаботилось подать какую-либо помощь волонтерам, находившимся в крайности. Герцог Кумберландский сформировал кавалерийский полк, обращая внимание преимущественно на то, чтобы все офицеры в полку были дворяне. Да и вообще, в Германии исполнили в точности свои обязанности в отношении к общему делу только герцоги Саксенские и Ангальт-Дессауский, князья Шварцбургские и Липпе-Бюкебург, вольные города Бремен и Любек¹².

Из всего сказанного не трудно вывести заключение, в какой мере союзники могли надеяться на содействие освобожденных ими от зависимости Наполеону рейнских владетелей.

В настоящее время воспоминания о великих подвигах, совершенных императором Александром и русскими, изгладились в памяти народов, которые наиболее ими воспользовались, но в 1813 и 1814 годах никто в Германии не отрицал, что из всех держав, ополчившихся против Наполеона, Россия сделала наибольшие жертвы и нанесла Наполеону наиболее чувствительные удары. Преобладание завоевателя после похода в Россию поколебалось в самом основании; континентальная система и Рейнский союз разрушились; самая Франция была ослаблена уничтожением двух огромных армий. Некоторые из русских генералов, соображая, с одной стороны, что Наполеон уже не мог быть опасен для России, а с другой – не надеясь на дружные усилия Германии в пользу общего дела, полагали, что по успешном окончании войны 1813 года наконец настала для России пора пожать плоды победы. И действительно, Наполеон в то время согласился бы на удовлетворение всех требований императора Александра, не стоившее Франции никаких жертвований. Для Германии уже сделано было русскими все, чего она имела

право надеяться от великодушного защитника ее независимости; дальнейшее же продолжение войны, по мнению поборников мира, могло быть вредно для самой

России. Завоевание союзниками Голландии казалось бедствием некоторым из русских, потому что англичане стремились присвоить богатые средства этой страны, и достижению их цели, по-видимому, способствовал предположенный тогда брак принцессы Валлисской с принцем Оранским (впоследствии – королем) Вильгельмом. Император Александр, твердо убежденный в непрочности мира с Наполеоном, считал низвержение его с престола необходимым условием спокойствия Европы; войска и начальники их стремились к новым победам, но в совете русского монарха разделяли его мнение лишь непоколебимый Штейн и мстительный Поццо-ди-Борго¹³.

Готовясь к новой борьбе, Россия надеялась на содействие Пруссии, где многие из государственных сановников и все военные желали продолжения войны. Блюхер и его сподвижники жаждали случая отплатить французам в Париже за своевольные их распоряжки в Берлине; к тому же Пруссия не могла ожидать значительного вознаграждения за понесенные ею потери, пока Наполеон владел левой стороной Рейна. Но хотя король Фридрих-Вильгельм сознавал истину сего мнения и готов был дружно содействовать императору Александру, однако же полагал, что Наполеон, действуя в собственной стране, мог оказать весьма упорное сопротивление и что не следовало подвергать случайностям войны успехов, приобретенных дорогой ценой¹⁴.

Что касается до Англии, то она была изнурена продолжительной войной, и государственный долг ее достиг чрезвычайных размеров (свыше 600 миллионов фунтов стерлингов, или четырех тысяч миллионов рублей серебром). В конце 1813 года великобританское правительство могло и без продолжения войны достигнуть предположенных им целей: восстановления законных династий в Испании, Голландии, Неаполе и Пьемонте, обладания важными колониями, совершенного уничтожения континентальной системы. В ноябре 1813 года английские войска под начальством Веллингтона вторглись в южные департаменты Франции. В то время прочие союзные армии еще оставались в бездействии на Рейне, что подало повод англичанам приветствовать своего вождя именем «освободителя Европы»¹⁵. Таким образом, и меркантильные выгоды, и народная гордость Джона-Буля были удовлетворены вполне; последующая же судьба Германии была не чужда Англии единственно потому, что король великобританский владел Ганновером¹⁶.

Из всего сказанного явствует, что в Совете союзников преобладала партия мира.

Меттерних, весьма хорошо знавший, что мирные переговоры и прекращение войны могли доставить австрийскому правительству значение, ускользавшее из рук его при дальнейшем продолжении борьбы с Наполеоном, искусно воспользовался благоприятным для него влиянием поборников мира. Изворотливый дипломат, являясь сторонником их, выказывал умеренность и бескорыстие Венского Кабинета. Нетрудно было предвидеть, что такую политику станут поддерживать все люди нерешительные, робкие, составляющие большинство всякого собрания. Отсутствие Штейна, остававшегося в Дрездене, где он был занят до начала (половины) ноября устройством временного управления Саксонии, также немало способствовало замыслам австрийского министра. Хотя на предложения, сделанные императором французам 5 (17) октября чрез графа Мерфельдта, тогда не было дано союзниками никакого ответа, однако же Меттерних, сообразив все сказанное при этом случае Наполеоном, решился открыть переговоры. Он надеялся, что завоеватель, ослабленный понесенными потерями, сделается более сговорчивым. После сражения под Лейпцигом французский дипломат барон Сент-Эньян (St. Aignan), захваченный в плен казаками полковника Храповицкого, был призван во Франкфурт. Там принял его князь Меттерних, в присутствии русского министра иностранных дел графа Нессельроде и английского министра лорда Эбердина (Aberdeen). Условия мира, сооб-

ценные Меттернихом Сент-Эньяну для доведения их до сведения Наполеона, заключались в следующем:

- 1) Союзники желали общего мира.
- 2) Они были согласны оставить Францию в естественных пределах, ограничив ее Рейном, Альпами и Пиренеями.
- 3) Независимость Германии и восстановление династии Бурбонов в Испании были непременными условиями мира.
- 4) Независимость Италии и Голландии, как от Франции, так и от прочих держав, была признана. Образ их правления и границы австрийских владений в Италии должны были быть определены на основании переговоров.
- 5) Со стороны Англии изъявлена готовность к важным уступкам и к обеспечению мореплавания и торговли.
- 6) В случае принятия этих условий императором Наполеоном предполагалось, с обоюдного согласия, признать нейтральным какой-либо город на правой стороне Рейна и пригласить туда для ведения переговоров уполномоченных всех воюющих держав, не прерывая, однако же, военных действий¹⁷.

С этими условиями, изложенными письменно, барон Сент-Эньян отправился в ночи с 10 на 11 ноября н. ст. чрез Майнц в Париж.

Незадолго пред тем, 28 октября (9 ноября), Наполеон, возвратясь в свою столицу, приступил к формированию новой армии и к приисканию финансовых средств для продолжения войны. Положение Франции было весьма бедственно. Войска, возвратившиеся из Германии, ежедневно ослаблялись повальными болезнями; в Италии вице-король едва удерживался против превосходных сил австрийской армии, а Мюрат уже готовился восстать против своего отечества; со стороны Испании Веллингтон угрожал перешагнуть через Пиренеи. В самой Франции роялисты, республиканцы – все партии, недовольные господством Наполеона, но подавленные его железной рукой, восстали, соединившись в общих усилиях, враждебных ему. Бернадотт, зная о том, уже не скрывал желаний и надежд своих – сделаться властителем Франции. Посланный им для объяснения по этому предмету к королю прусскому майор граф Калькрейт получил приказание изложить подробно о сношениях наследного шведского принца и общей к нему преданности во Франции. При этом принц довольно наивно заметил, что «действия его во все продолжение войны, по-видимому, нисколько не повредили ему в глазах французов». Наследный принц, стремясь к осуществлению своих планов, полагался на содействие императора Александра, хотя государь не подавал к тому ни малейшего повода. Питая такие замыслы, Бернадотт старался отклонить союзников от вторжения за Рейн, которое, по его мнению, могло побудить французов к поголовному ополчению, и потому он предлагал ограничиться объявлением, что война ведется не против Франции, а против Наполеона¹⁸. При всей несбыточности надежд принца, нельзя не заметить, что положение Французской империи подавало к ним повод. Наполеон, повсюду окруженный неприятелями, угрожаемый изменой, находился в безвыходном положении, не имея ни войск, ни средств для ведения войны. Крепости в Германии, сильно вооруженные и занятые французами, стоили им ста сорока тысяч человек гарнизонами и огромных сумм; во Франции же для обороны пограничных пунктов оставались одни лишь депо, да и вооружение этих крепостей было весьма недостаточно. Финансы были истощены столько же, сколько и вооруженные силы. Общинные имения, назначенные для покрытия дефицитов 1811, 1812 и 1813 годов, не находили покупателей. Состояние народного духа не подавало надежды на дружную оборону страны. Войска по-прежнему были готовы пролить свою кровь до последней капли, но роптали гласно, сочувствуя общему неудовольствию. Народ, разочарованный в непобедимости Наполеона, утративший к нему доверие, убедился, как может быть пагубен произвол гениального властителя. В продолжение двадцати лет французы вели наступательные войны, вторгались в чужие земли, занимали столицы иностранных

государств, пользовались средствами покоренных ими стран как законной добычей. Теперь – когда настало время расплаты – уныние овладело всеми. Не было единодушия, спасшего Францию в 1792 и 1800 годах. Славолюбие, столь свойственное французам, уступило место равнодушию к общему делу и желанию тишины и спокойствия.

Еще при отъезде Наполеона из Дрездена, пред Лейпцигским сражением, он поручил своей супруге Марии-Луизе истребовать постановление Сената на вызов конскрипции 1815 года в числе ста шестидесяти тысяч человек и, сверх того, на чрезвычайный набор ста двадцати тысяч человек из молодых людей, подлежавших конскрипции в 1812, 1813 и 1814 годах и уже уволенных от военной службы. Сенат, исполняя волю своего повелителя, обнародовал требуемые декреты, но осуществить их на деле было весьма трудно. Конскрипты 1815 года, едва достигшие 18- или 19-летнего возраста, не могли переносить походных трудов и лишений, и Наполеон, убежденный в том на опыте, вызвал конскрипцию 1815 года, единственно с целью образовать из нее гарнизоны и запасные войска. Что же касается до ста двадцати тысяч конскриптов прежних лет, то призыв их мог возбудить в народе общее неудовольствие, и потому, для облегчения набора, было приказано освободить от службы не только женатых, но и всех считавшихся необходимыми для своих семейств. Само собой разумеется, такие ограничения значительно уменьшили число конскриптов: оказалось, что вместо предположенных ста двадцати тысяч человек можно было набрать не более шестидесяти тысяч. Чтобы укомплектовать армию, Наполеон решился вызвать на службу холостых людей всех прежних конскрипций с 1803 по 1813 год, в числе до трехсот тысяч человек, что вместе с предшествовавшим набором должно было доставить более полумиллиона конскриптов, но этот расчет, как и следовало ожидать, оказался весьма преувеличенным¹⁹.

Наполеон, желая побудить Государственный совет к содействию его видам, поручил Реньо де-Сент-Жан д'Анжели изложить необходимость чрезвычайных мер, принятых правительством. Подобно тому, как прежде неудача похода в Россию была приписана льстецами Наполеона единственно русской стуже, Реньо разглагольствовал в Совете о «вероломном» отпадении Баварии, об «изменническом» переходе саксонцев на сторону союзников, о бестолковости капрала, взорвавшего мост на Эльстере; он старался убедить своих слушателей в том, что ни император, ни его маршалы, ни храбрая французская армия не были виновны в бедственных последствиях войны 1813 года. Описав яркими красками опасность, угрожающую стране, оратор возгласил: «Все французы готовы откликнуться на призыв отечества. Все они знают, чего должны ожидать от дикой мести неприятеля. Чего можем надеяться от него, кроме гибели или постыдного мира? Пусть отовсюду устремятся воины Франции на защиту родины!» Как эта речь не оказала сильного влияния, то сам Наполеон продолжал: «К чему скрывать от народа правду? Разве Веллингтон уже не вторгнулся в южные пределы империи? Разве не угрожают нам с севера войска русские, с востока австрийцы? Какой позор! И народ еще не восстал дружно, чтобы изгнать их! Мне нужно 300 000 человек». Наполеон, отложив созвание Законодательной палаты (*corps législatif*), устранил ее участие в совещаниях о предположенном наборе, а Сенат единогласно постановил привести его в исполнение²⁰.

Желая сделать войну народной, Наполеон употребил к тому всевозможные средства: убеждение, хитрость и насилие. Ренье (Regnier), министр юстиции и верховный судья (*grand juge*) империи, разослал циркуляр всем главным чиновникам своего ведомства, поставляя им в обязанность возбуждать дух в народе, чтобы ускорить набор трехсот тысяч конскриптов. Наполеон, не довольствуясь тем, приказал двадцати семи сенаторам и членам Государственного совета отправиться в центральные пункты управлений для приготовления жителей, на случай надобности, к поголовному вооружению. Эти сановники в качестве наместников императора были облечены неограниченной властью. Редакторы периодических изданий получили от министерства полиции приказание не только не скрывать, но преувеличивать опасность, угрожающую Франции. Для образования летучих отрядов правительство разрешило каждому,

успешному собрать партию в числе не менее десяти всадников либо двадцати пехотинцев, воевать по собственному усмотрению. Появились отряды искателей добычи, подобные разбойничьим шайкам, впоследствии грабившие и убивавшие союзников поодиночке, в тылу их армий, и придавшие Малой войне дикий, жестокий характер, заимствованный французами в Испании у гверильясов. Префекты восточных департаментов получили строжайшие предписания истреблять при появлении неприятеля все средства к продовольствованию войск и задерживать его уничтожением переправ, порчей дорог и проч. Приказано было им также озаботиться снабжением крепостей жизненными припасами, лесом и другими материалами посредством реквизиций в окрестной стране; тогда же все полковые депо были переведены из пограничных пунктов в крепости второй линии, которые, вместе с тем, приводились наскоро в оборонительное состояние²¹.

Недостаток в финансовых средствах заставил Наполеона принять чрезвычайные меры. Не успев обратить в ходячую монету общинные имущества, продажей коих предполагалось покрыть дефицит прежних лет, он был принужден заменить билетами кассы погашения долгов (*bons de la caisse d'amortissement*) все капиталы французского банка и других кредитных учреждений и выдать из частной своей казны, хранившейся в кладовых Тюльерийского дворца, 63 миллиона франков. Но как, несмотря на то, оказался дефицит текущего года в 300 миллионов, то для удовлетворения необходимейшим расходам Наполеон, не имея возможности прибегнуть к займам, был принужден увеличить налоги. Прибавка двадцати сантимов (процентов) к поземельной подати за 1813 год могла дать 80 миллионов, а увеличение вдвое налога на движимую собственность – 30 миллионов; присоединив к тому возвышение на одну пятую налога на соль и на одну десятую – косвенных податей, Наполеон приобретал 120 миллионов, которые вместе с Тюльерийским сокровищем могли послужить к уплате неотлагательных издержек²². Наполеон, опасаясь противоречия введению новых налогов со стороны Законодательной палаты, приказал созвать ее не прежде, как по утверждении постановлений об этих предметах Сенатом и Государственным советом. Когда же один из членов Совета осмелился заметить, что увеличение податей будет слишком тягостно, Наполеон, прервав его речь, сказал: «Налоги не могут быть ничем ограничены. Если существуют законы, полагающие предел налогам, то такие законы плохи»²³.

Среди усиленных приготовлений к войне Наполеон узнал 2 (14) ноября от барона Сент-Эньяна об условиях, предложенных союзниками во Франкфурте. Сам Маре, доселе уверенный в непобедимости своего государя, поколебался в сангвинических убеждениях и подал голос в пользу мира. И действительно – предложения Меттерниха могли считаться весьма сносными: Франция, приняв их, упрочивала за собой границы по Рейну и Альпам и могла надеяться получить в Италии владения для вице-короля и других членов наполеонова семейства. Но Наполеон опасался, выказав необычайную ему уступчивость, обнаружить слабость Франции, и к тому же он, не отличаясь искренностью в своих дипломатических сношениях, подозревал союзников в намерении усыпить его бдительность; в особенности же его тревожило предложение открыть переговоры, не прерывая военных действий. Все это заставило его продолжать вооружения с усиленной деятельностью и отвечать уклончиво на предложенные союзниками условия. 4 (16) ноября герцог Бассано (Маре) писал Меттерниху, что заключение мира, могущего упрочить независимость всех народов на суше и на море, постоянно было целью политики императора Наполеона и что он согласен на открытие конгресса в Мангейме²⁴. Как общественное мнение во Франции обвиняло Маре в неудаче пражских переговоров, и к тому же сей министр не пользовался расположением союзников, то Наполеон счел нужным назначить на его место, министром иностранных дел, герцога Виченцкого (Коленкура); тогда же генерал Дарю был назначен генерал-интендантом на место Сессака (*Cessac*)²⁵.

Ответ Маре на франкфуртские условия мира, как и должно было ожидать, не удовлетворил союзников. Меттерних сообщил ему, что переговоры о мире могут быть открыты только лишь тогда, когда союзные монархи будут уверены в согласии Тюльерийского Кабинета на их предложения²⁶. Вместе с отзывом Маре, сделалось известно во Франкфурте из постановлений Сената, помещенных в Монитере 5 (17) ноября, что во Франции производились сильные вооружения. Наполеон, выказывая, что он еще обладал огромными средствами для ведения войны, имел в виду побудить союзников к большей уступчивости. И действительно – эта уловка едва не послужила в пользу «партии мира». Генерал Жомини поставил на вид в Совете российского монарха, что ослабление Франции, усилив Англию, могло быть опасно для России, а наследный шведский принц изъявлял гласно сомнение в успехе зарейнского похода. Но Блюхер и Гнейзенау, в челе «партии войны», по-прежнему стояли твердо на том, что следовало неотлагательно вторгнуться за Рейн, идти к Парижу, низложить Наполеона, ограничить Францию по возможности теснейшими пределами и обложить ее значительной контрибуцией. Предложения, сделанные союзниками во Франкфурте, возбудили в высшей степени гнев Блюхера, а уклончивый ответ Наполеона и известия о вооружениях его, помещенные в Монитере, наконец заставили замолчать поборников мира. Очевидно было, что император французов, отвергая выгодные для него предложения, надеялся на медленность и нерешительность коалиции и что если бы союзники дали ему время оправиться и собрать новую армию, то не могли бы удержаться на Рейне. Необходимо было предупредить удары грозного противника вторжением во Францию. К тому же многие обстоятельства тогда способствовали наступательным действиям союзных войск. Сдача сен-сирова корпуса в Дрездене позволила обратить блокировавшие его войска к достижению других целей; корпус Бюлова одержал блистательные успехи в Голландии. В самой Франции союзники открыли сношения не только с приверженцами Бурбонов, но и с некоторыми сановниками Наполеона, предвидевшими его падение и желавшими обеспечить свою будущность при новом обороте колеса непостоянной Фортуны. Все это заставило коалицию продолжать войну. Зная раздор и дух партий, волновавшие Францию, союзники объявили 19 ноября (1 декабря), что они ведут войну не против Франции, а против преобладания наполеонова, имевшего гибельные последствия для Европы и самой Франции; изъявляя желание, чтобы Франция была могущественна и счастлива, они объявили, что хотят быть также спокойны и счастливы и что не прежде положат оружие, как обеспечив будущность Европы прочным миром²⁷. Таким образом, союзники, разъединив Францию от ее властителя, сделали первый шаг к низложению Наполеона. Сам он, как бы прозрев угрожающую ему опасность, приказал своему министру иностранных дел², почти одновременно с обнародованием упомянутой декларации союзников, написать Меттерниху, что император французов положительно изъявил согласие на все условия, сообщенные чрез барона Сент-Эньяна²⁸. Но уже было поздно: судьба Наполеона долженствовала решиться оружием. Меттерних отвечал, что союзные государи с удовольствием узнали о принятии императором Наполеоном условий, предложенных во Франкфурте, и что отзыв французского правительства немедленно будет доведен до сведения их союзников²⁹. Такой уклончивый ответ, очевидно, обнаружил намерение коалиции продолжать борьбу и заставил Наполеона усилить деятельность приготовлений к войне.

Одновременно с тем, император французов, желая побудить общественное мнение к дружному содействию в обороне страны, наконец решился созвать Законодательную палату. Но Наполеон, при всей своей гениальности, упустил из вида, что участие всех и каждого в святом деле защиты отечества может быть единодушно только тогда, когда правительство, истощив все средства к достижению мира, откровенно призывает народ к оружию. Так поступил его великодушный противник – когда Наполеон с полумиллионом воинов перешагнул русские

² Коленкур.

пределы, когда неприятельские полчища, наводнив западные области государства, двигались к Двине и Днепру, когда завоеватель Европы, проникнув в сердце России, мнил поколебать решимость императора Александра и предлагал ему мир. Наполеон, угрожаемый вторжением союзников во Францию, поступал совершенно иначе. Он старался скрыть от народа, вверившего ему судьбы свои, и ход пражских переговоров, и предложения, ему сделанные союзниками во Франкфурте. Опасаясь встретить оппозицию в народных представителях, он отложил открытие заседаний Законодательной палаты сперва до 2, а потом – до 19 декабря н. ст. Эта мера имела весьма невыгодные для него последствия. Депутаты, прибывшие в Париж, принесли с собой горькое чувство неудовольствий, внушенных чрезвычайными конскрипциями, огромными реквизициями, тяжкими налогами, произвольными распоряжениями префектов – следствием самовластья правительства.

Везде говорили о притеснениях, терпимых гражданами, о бедствиях, постигших армию в Германии, о потерях, понесенных войсками от тифа и других повальных болезней на Рейне. Все приписывали неудачу переговоров самому Наполеону. Напрасное пребывание депутатов в столице, где они, оставаясь без всяких занятий целый месяц, проводили время в толках, враждебных правительству, оказало весьма невыгодное влияние на общественное мнение. Неудовольствие народных представителей было еще более увеличено тем, что Наполеон, нарушив их право избирать кандидатов в президенты, назначил в эту должность бывшего верховного судью (*grand juge*) герцога Массу (Ренье), человека дряхлого, совершенно неизвестного депутатам и не могшего иметь на них ни малейшего влияния³⁰.

Таковы были обстоятельства при открытии Законодательной палаты в присутствии Сената и Государственного совета 7 (19) декабря. Наполеон открыл совещание следующей речью:

«Сенаторы, члены Государственного совета, депутаты в Законодательное собрание!

Блистательные победы минувшей кампании прославили французское оружие; беспримерные отложения наших союзников соделали бесполезными эти победы. Все обратилось против нас, и Франция подвергнута бы опасности, если бы изменили ей энергия и единоплеменные французов.

В таких чрезвычайных обстоятельствах первая моя мысль была – призвать вас ко мне. Присутствие и преданность моих подданных необходимы моему сердцу.

Я никогда не увлекался счастьем. Невзгоды не могут поколебать меня.

Неоднократно я даровал мир государствам, стоявшим на краю гибели. Часть моих завоеваний послужила к возвышению государей, меня оставивших.

Я задумал и исполнил великие соображения, клонившиеся к преуспеванию и к счастью Света... Будучи государем и главой семейства, я постигаю, что мир необходим для обеспечения престолов и в частном быту. В настоящее время открыты переговоры с союзными державами. Я изъявил согласие на предложенные ими условия, и потому надеялся, что конгресс в Мангейме соберется еще до открытия наших заседаний, но он был замедлен вновь возникшими затруднениями, которые не могут быть приписаны Франции.

Я приказал сообщить вам подлинные документы, хранящиеся в архиве Министерства иностранных дел. Вы получите о них сведение от комиссии, избранной из среды вашей, а Государственный совет изложит вам мои виды по сему предмету.

С моей стороны нет никакого препятствия к восстановлению мира. Я знаю и вполне разделяю чувства французов; я говорю это потому, что нет из них никого, кто пожелал бы купить мир ценой позора.

С сожалением требую от моего великодушного народа новые пожертвования; меня побуждают к тому необходимейшие и высшие пользы страны. Я принужден усилить мои армии многочисленными наборами: переговоры о мире могут быть ведены безопасно только при полном развитии вооруженных сил. Необходимо увеличить сборы податей; меры, которые будут

вам предложены моим министром финансов, сообразны с установленной мной системой по этой части. Мы обойдемся без займов, поглощающих будущее достояние народа, и без ассигнаций, в высшей степени враждебных общественному порядку.

Я доволен чувствами, мне изъявленными в настоящих обстоятельствах народами Италии.

Дания и Неаполь остаются верны союзу с Францией.

Республика Северо-Американских Штатов продолжает с успехом войну против Англии.

Я признал нейтралитет девятнадцати швейцарских кантонов.

Сенаторы, члены Совета, депутаты департаментов в Законодательное собрание!

Вы природные орудия престола; вам предлежит подать пример энергии, которая увековечит вас в грядущих поколениях. Да не скажут наши потомки, что мы пожертвовали высшими пользами страны и покорились велениям Англии, в продолжение четырех веков напрасно стремившейся поработить Францию.

Мои подданные не должны опасаться, чтобы политика их государя когда-либо изменила народной славе. С своей стороны, я уверен, что французы всегда будут достойны себя и меня».

Наполеон, по совету Талейрана, приказал сообщить дипломатические депеши, относившиеся к переговорам с союзниками, комиссиям Сената и Законодательной палаты, каждая комиссия должна была состоять из пяти членов. Но постигая вполне опасность этой меры, могшей обнаружить, что французское правительство не воспользовалось случаем к заключению выгодного мира на условиях, предложенных союзниками во Франкфурте, Наполеон сообщил комиссиям только лишь некоторые документы. Для обсуждения их Сенат избрал из среды своей Талейрана, Фонтана, Сен-Марсана, Барбе-Марбуа и Бернонвиля – людей, не вполне преданных правительству, но осторожных и не способных к какому-либо смелому увлечению. С своей стороны, Законодательное собрание назначило в комиссию, кроме своего президента, герцога Массы, следующих членов: Лене (Lamé), знаменитого адвоката и пылкого оратора; Ренуара, автора трагедии «les Templiers» («Рыцари храма»), откровенного и честного человека; Менде-Бирана (Maine de Biran), ученого, одного из тех, которых Наполеон упрекал в «идеологии»; наконец, Флогерга и Галлуа, не успевших приобрести большую известность, но отличавшихся умом и либеральным направлением.

Затем обе комиссии отправились к князю архиканцлеру (Камбасересу). Комиссия Сената, будучи принята им 11 (23) декабря, получила от самого Коленкура дополнительные сведения о письмах к Меттерниху от 16 ноября и 2 декабря н. ст. Очевидно было, что последний благоприятный случай к заключению довольно выгодного мира для Франции был упущен и что нельзя было обвинять в том никого, кроме самого Наполеона, но комиссия сделала весьма уклончивое донесение о том Сенату, который в своем адресе императору также ограничился изъявлением желания мира, выразив общую готовность к войне: «Если неприятель по-прежнему будет упорствовать, – сказали сенаторы, – то мы будем сражаться в защиту отечества между могилами предков и колыбелями детей наших»³¹.

Комиссия Законодательной палаты была несравненно менее сговорчива. Будучи принята 12 (24) декабря князем архиканцлером и получив от одного из чиновников Министерства иностранных дел Г. Готерива (Hauterive) сведение о ходе переговоров, комиссия потребовала, чтобы правительство объявило определительно, какие именно жертвования оно предполагало сделать для достижения мира. Лене, выразив мнение о необходимости всевозможного напряжения сил для защиты страны, заметил, что столь же необходимо убедить народ в том, что кровь его будет пролита в защиту законов, охраняющих его благосостояние, и с этой целью предложил просить императора о соблюдении прав, обеспечивающих свободу и безопасность граждан Франции. Затем Ренуар начертил мрачную картину походов в Россию и Германию, оправдывал отложение Баварии и враждебные действия наследного шведского принца и даже защищал декларацию, обнародованную союзниками во Франкфурте, назвав ее «воззванием

устрашенного Света к народному праву». «Предлагаемые нам пределы, – сказал он, – Пиренеи, Альпы и Рейн, объемлют обширное пространство, в котором многие области не принадлежали прежней Франции, и несмотря, однако же, на то, французское королевство занимало в ряду держав почетное место». Затем, объявив, что лучше навлечь на себя немилость императора и даже гнев его, нежели подвергнуть опасности благосостояние страны, оратор продолжал: «Не станем скрывать истины; наши бедствия достигли высшей степени. Торговля уничтожена, земледелие и промышленность в упадке. Со всех сторон угрожают нам неприятели. Конскрипции соделались невыносимым бременем. Жестокая, без всякой цели, война поглощает наших юношей, отрывая их от земледелия, торговли, художеств, занятий науками. Пора уже народам вздохнуть свободно; пора прекратить беспрестанные войны, упрочить на твердом основании престолы и смыть с Франции упрек в распространении по всему Свету бедствий войны. Нашему великому государю предлежит честь совершить этот высокий подвиг». В заключение Ренуар предложил обратиться к императору в следующих словах: «Государь, при вашем короновании вы утвердили присягой обещание сохранить неприкосновенными естественные границы Франции, Рейн, Альпы и Пиренеи; мы просим вас исполнить данную вами клятву и будем содействовать вам в том до последней капли крови. Но сдержав вашу клятву, обеспечив наши пределы, вы не будете иметь повода, внушаемого ни честью, ни пользой, к препятствию вашим видам и получите возможность пожертвовать всем для общего мира и благоденствия». Г. Готерив старался убедить Г. Лене, имевшего большое влияние в комиссии, что объявление во всеобщую известность последнего слова переговоров было неуместно, и, наконец, склонил комиссию ограничиться изъявлением, что Франция, войдя в свои естественные пределы, не будет домогаться ничего более. Затем комиссия, перейдя к делам внутренней политики, постановила просить императора о соблюдении законов, которые нередко были нарушаемы самоуправством агентов правительства. Такое требование, выраженное ввиду крайней опасности, угрожавшей отечеству, могло обнаружить неприятелям Франции господствовавшие в ней раздоры и дух партий, и потому как Готерив, так и сам архиканцлер, сознавая основательность замечаний комиссии, старались отклонить ее членов от демонстрации, враждебной правительству; но все усилия обоих остались напрасны. Комиссия выразила свое мнение по сему предмету следующим образом: «На основании существующих постановлений правительство примет самые быстрые и самые надежные средства к отражению неприятеля и к заключению прочного мира. Эти средства будут действительны, ежели французы убедятся в том, что правительство желает единственно мирной славы; что они станут проливать свою кровь только лишь в защиту страны и законов, охраняющих их благосостояние. И потому комиссия считает необходимым, одновременно с принятием неотлагательных мер к охранению государства, просить Его Величество о соблюдении совершенного и постоянного исполнения законов, обеспечивающих гражданам Франции права свободы, личной неприкосновенности и собственности, а народу свободное пользование предоставленными ему политическими правами. Комиссия считает такую меру необходимой для возбуждения французов к защите страны» и проч.³²

Наполеон в ответе Сенату счел нужным снова изложить свои виды. «Теперь идет дело уже не о том, чтобы приобрести потерянные нами завоевания, – сказал он. – Без сожаления сделаю пожертвования на основании предварительных условий, предложенных неприятелем и принятых мной, но если неприятель не подпишет мира на этих условиях, будем сражаться!»³³

Ежели Наполеон был недоволен адресом Сената, то можно представить себе его негодование при докладе ему герцогом Ровиго³ о содержании адреса, принятого в Законодательной палате большинством 223 голосов против 31. 18 (30) декабря была закрыта зала, в которой собирались депутаты, на следующий день распущено Законодательное собрание, а 1 января н. ст. 1814 года Наполеон, допустив его членов к себе и выслушав обычное приветствие, обра-

³ Савари.

тился к депутатам с грозной речью. «Я призвал вас в помощь, – сказал он, – а вы стали действовать в пользу неприятеля: вместо дружного содействия мне вы старались поселить раздор. Разве вы не знаете, что в монархии престол и особа государя нераздельны?.. Вы разглагольствуете о народе: разве неизвестно вам, что я наивысший его представитель? Меня избрал он четырьмя миллионами голосов... Я более нужен для Франции, нежели Франция для меня. Невозможно враждовать со мной, не враждуя с народом. Ежели и существуют какие-либо злоупотребления, то время ли теперь делать мне увещания, когда двести тысяч казаков готовы перешагнуть наши пределы? Время ли затевать споры о личных правах и неприкосновенности их, когда идет дело о спасении политической самобытности и независимости государства? Ваши идеологи хлопочут об охране себя от правительства, а вся Франция требует от меня защиты от неприятеля. Вы могли изложить свои жалобы в другое время; я поручил бы рассмотреть их Государственному совету либо занялся этим делом сам: мы бы не стирали грязное белье на публике (*c'est en famille, ce n'est pas en public qu'on lave son linge sale*). Вас сбили с толку люди, преданные Англии. Г. Лене дурной человек; он в сношениях с Бурбонами чрез адвоката Десеца. Поезжайте в ваши департаменты, передайте Франции, что как бы ни толковали, а ведут войну с ней столько же, сколько и со мной, и что необходимо защищать не меня, а народную независимость. Я встану в челе армии, вытесню неприятеля из нашей страны и заключу мир, несмотря на жертвы, которые придется принести – как выражаетесь вы – моему властолюбию; тогда снова призову вас к себе, прикажу напечатать ваш адрес, и вы сами удивитесь тому, что решились сказать мне в настоящих обстоятельствах»³⁴.

Последствием этих слов Наполеона, переданных различно депутатами, недовольными насильственным распусшением Законодательного собрания, было разъединение народа с правительством. Уже неприятели готовились вторгнуться в пределы Франции, а для противодействия им не было ни вещественных средств, ни той духовной связи между властителем и подданными, которая служит более надежной защитой страны, нежели ряд крепостей, ограждающий ее пределы.

Глава II

Театр войны 1814 года и первоначальное расположение Наполеоновых войск

Обзор театра войны 1814 года и главных путей действий. – Расположение Наполеоновых войск в конце декабря н. ст. 1813 года. – Число их вообще. – Бедственное положение французских войск. – Меры, принятые Наполеоном для сформирования новой армии. – Причины растянутого расположения французских войск.

Приступая к изложению состава вооруженных сил, размещения их при открытии военных действий и планов действий обеих сторон, считаю необходимым дать понятие о местности театра войны 1814 года⁴.

На этом пространстве главные пути, ведущие от Рейна к столице Франции, пересекаются горными хребтами и течением нескольких рек, орошающих восточные области государства. Узлом соединения горных цепей восточной Франции служит высота к северу от Бельфора, именуемая, по круглому виду своей вершины, *альзасским шаром* (*ballon d'Alsace*, у немцев *Volken*). Отсюда простираются в различные стороны три главные ветви.

Первая, под именем *Вогезов*, пролегает к северу, образуя черту раздела между бассейнами Рейна и Мозеля и принимая в самой северной части своей, между реками Рейном и Гланом, название *Доннерсберга*; от последнего же горного хребта отделяется к западу ветвь, которая, обогнув истоки Наэ (*Nahe*), простирается к Бахараху на Рейне, под названием *Гундсрюка* (*Hundsrück*). От этих главных ветвей отделяются другие, второстепенные, окаймляющие множество притоков Рейна и Мозеля. Как Вогезы, так и отрасли их представляют гранитные породы вулканического происхождения.

Другой горный хребет, отделяющийся от альзасского шара к югу, имеет незначительную высоту до Сент-Урсанна (*St. Ursanne*), откуда, сделав поворот к юго-западу, образует величественные громады под названием *Юры* и служит чертой раздела с одной стороны Рейна, а с другой – Дубса и прочих притоков Роны. Горная система Юры вообще представляет несколько параллельных между собой ветвей в виде дуг, разделяющих длинные долины, орошаемые притоками Рейна и Роной с несколькими впадающими в нее реками. Почва Юры большей частью состоит из песчаника и известняка; встречаются также алебастр, асфальт, мрамор, каменный уголь и железная руда. Вершины хребта покрыты лесом, а в долинах жители разводят виноград и хлебные растения.

Третья горная ветвь, отходящая от общего средоточия к северо-западу, достигнув окрестностей Мирекура (*Mirecourt*), поворачивает к юго-западу и к югу под названием *Шаролеских гор* (*de Charolais*), образуя связь между Вогезами и Севеннами. До Монтиньи (*Montigny*) горы незначительны, далее же возвышается окаймленное скалистыми скатами *Лангское плато*. От этой главной ветви отходят три другие: первая и высшая из них отделяется близ Арне (*Arnay*), пролегает через Солье (*Saulieu*) к Шато-Шинон, образует господствующие горы *Морван*, служит чертой раздела бассейнов Сены и Лоары и оканчивается мысом Финистерре. Другая побочная ветвь отходит близ Лангра к северу, вдоль Мааса, сперва в виде холмистой цепи, а потом значительных высот, под названием *Аргоннского леса* (*forêt d'Argonne*), пройдя через Лотарингию, поворачивает к западу и простирается до морского берега. Наконец, третья ветвь, именуемая *Арденнами*, отделяется от главного хребта близ истоков Мадона, одного из притоков Мозеля, и разобщает бассейны сей реки и Мааса. Как Аргоннский лес, так и Арденнские

⁴ Карта театра войны 1814 года.

горы не выше 3 500 футов; но оба эти хребта скалисты, покрыты обширными лесами и представляют большие затруднения для движения войск. Часть области Шампаньи (Champagne) в окрестностях Вердюна, имеющая известковый грунт, бедна хорошей водой.

Эта горная система разграничивает бассейны главных рек с их притоками, орошающих театр военных действий. Бассейн Рейна лежит к востоку от Вогезов. Из долины Рейна можно проникнуть в долину Мозеля не иначе, как перейдя через преграду, образуемую Вогезами и Гундсрюком. Бассейн Мозеля, с впадающими в эту реку Мертой и Сааром, находится между Вогезами и Арденнами. Последний горный хребет хотя и уступает в важности Вогезам, однако же может послужить в пользу для обороны страны. Бассейн Мааса простирается между Арденнами и Аргоннским лесом, коего теснины также представляют выгоды в оборонительном отношении. Бассейн Сены, с Обой (Aube), Марной, Уазой (Oise) с Эной (Aisne) и Йоной (Yonne) с Арменсоном (Armençon), лежит между Лангрским плато, Аргоннами и Морваном. Наконец, бассейн Саоны с Дубсом окаймляется Юрой, Лангрским плато и Шаролескими горами.

От среднего Рейна к Парижу вели в концентрическом направлении четыре главных пути: 1-й от Кобленца, чрез Люксембург и Реймс. Главными преградами на этом пути были крепость Люксембург и река Маас. 2-й путь вел от Майнца, первостепенной и занятой многочисленным гарнизоном крепости, через сильную крепость Мец на Мозеле, небольшую крепость Вердюна на Маасе, укрепленный город Шалон на Марне и Мо (Meaux). 3-й путь – от Мангейма чрез крепости Саарлуи либо Саарбрюк на Сааре и далее чрез Нанси, Туль, Витри на Марне и Сезанн. 4-й, служивший союзникам главным путем действий, пролегал от Базеля через крепостцу Бельфор, Везуль, Лангр, Шомон, Бар-сюр-Об, Труа к переправам через Сену⁵ и далее к Парижу. Кроме того, союзные войска, по занятии ими Швейцарии, могли двигаться от Невшателя на Понтарлье, Доль (Dole), Дижон, Жуаньи (Joigny), Сан (Sens) и Мелюн, также к Парижу.

В конце декабря н. ст. войска наполеоновы были расположены по левую сторону Рейна следующим образом.

Виктор, с 2-м пехотным и 5-м кавалерийским корпусами, в числе 6 300 человек пехоты и 3 800 человек кавалерии, занимал пространство от Базеля до Страсбурга; Мармон, с 6-м пехотным и 1-м кавалерийским корпусами, в числе 13 500 человек пехоты и 3 200 человек кавалерии, от Ландау до Андернаха; Моран, с 4-м пехотным корпусом, в числе до 16 400 человек, занимал Майнц и наблюдал пространство до Кобленца; 5-й пехотный корпус, состоявший всего из одной дивизии генерала Альберта, в числе около 4 700 человек, и 3-й кавалерийский корпус, в числе 2 000 человек, под общим начальством генерала Себастиани, находились между Кобленцом и Везелем; Макдональд, с 11-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами, в числе 11 700 человек пехоты и 2 700 человек кавалерии, стоял у Нимвегена, наблюдая пространство по Рейну и Ваалу, от Везеля до форга Сент-Андре. Генерал Мезон, с депо 17-й и 24-й территориальных дивизий, кадрами двух дивизий Молодой гвардии, в числе 12 000 человек пехоты и 800 всадников, занимал Бельгию¹.

Таким образом, для обороны течения Рейна на пространстве восьмисот верст (двухсот лье), не считая крепостных гарнизонов, было не более 65 000 человек пехоты и 12 000 человек кавалерии. Кроме того, в Париже, Брюсселе, Лилле, Люксембурге и Тионвиле формировались две дивизии Старой гвардии, шесть дивизий Молодой гвардии и три дивизии гвардейской кавалерии, всего вместе с артиллерией и войсками инженерного ведомства около 28 000 человек². В крепостях на Рейне и в Нидерландах находилось 56 000 человек³. Следовательно, число наполеоновых войск вообще простиралось до ста шестидесяти тысяч человек. Но большая часть их состояла из людей, изнуренных военными трудами и лишениями, либо из молодых конскриптов, погибавших прежде, нежели они успевали получить тактическое образование. Примером тому может служить 4-й пехотный корпус генерала Морана, в который с ноября

⁵ Монтеро, Бре (Bray), Ножан и Пон-сюр-Сен.

по 15 декабря н. ст. 1813 года поступило более 18 000 новобранцев, но, несмотря на то, наличное число людей не превосходило 16 460. По свидетельству Мармона, в конце 1813 года 14 000 солдат и почти столько же граждан сделались жертвами эпидемии в Майнце. Несмотря на то, что температура вообще стояла выше точки замерзания, изнурение войск оказало над ними такое же пагубное влияние, какое имела стужа в зимнем походе 1812 года: у многих солдат отвалились на ногах пальцы⁴. В русских войсках чрезвычайная убыль людей весьма часто была неизбежным последствием передвижений их на значительное расстояние, облегчаемых в новейшее время перевозкой солдат по железным дорогам и сплавом их по судоходным рекам. Французским же конскриптам в 1814 году не доводилось проходить огромных пространств, но они по прибытии на Рейн соделывались жертвами тифозной горячки и других повальных болезней, свирепствовавших в войсках, возвратившихся из Германии.

Таким образом, укомплектование французской армии весьма затруднялось непомерной убылью в людях. Формирование кавалерии, кроме того, было неудобно по недостатку в лошадях, что заставило Наполеона уменьшить меру, положенную для ремонта конной артиллерии до 1⁴¹⁷/₁₀₀₀ метра (менее двух аршин), и сформировать несколько полков, посаженных на малорослых лошадях и вооруженных пиками, в подражание казакам, под названием *éclaireurs*⁵.

В Италии доблестный вице-король с трудом удерживался на Адиге против полуторных сил австрийской армии; а в Испании, после сражения при Виттории, французские армии Сульта и Сюше мало-помалу отступили к границам империи и не могли стать твердой ногой у Пиренеев против несравненно превосходнейших в числе войск Веллингтона, поддержанных восстанием жителей Испании. Несмотря, однако же, на то, Наполеон, решившись, наконец, отказаться от обладания Пиренейским полуостровом, хотел присоединить к своей армии, по крайней мере, часть войск, действовавших на испанской границе, и исполнил свое намерение, как только союзные армии, стоявшие на Рейне, вторгнулись в пределы Франции.

Наполеон, видя, что корпуса, формировавшиеся на Рейне, заметно таяли, решился образовать за ними сильный резерв, коего кадрами должны были послужить остатки его гвардии в составе двух дивизий Старой и Средней гвардии (гренадеров и егерей) и шести дивизий Молодой гвардии (фузелеров, фланкеров, стрелков и волтижеров). Эти войска, считавшие в рядах своих по отступлении за Рейн едва 12 000 человек пехоты, при коих состояло до 4 000 человек кавалерии, в продолжение полутора месяца усилились до 17 500 человек пехоты и 5 000 кавалерии, а вместе с артиллерией и саперами до 28 000 человек. Как в числе их было множество старых солдат, способных к обучению конскриптов, то Наполеон намеревался укомплектовать гвардию до 100 000 человек, поручив это дело знаменитому артиллерийскому генералу Друо (Drouot), весьма способному и деятельному человеку. На основании инструкций, данных самим Наполеоном, батальоны, прежде состоявшие из четырех рот, должны были быть приведены в шестиротный состав; предположено было усилить Старую гвардию до 18, а Молодую до 60 батальонов; вообще, в числе 80 000 человек пехоты, а вместе с кавалерией, артиллерией, саперами и парками – довести до 100 000. Старая гвардия комплектовалась отборными солдатами армии, а Молодая конскриптами. Обмундирование и снабжение оружием людей, покупка лошадей, заготовление лафетов – все это было поручено неутомимому Друо, обладавшему многосторонними сведениями по всем отраслям военного дела⁶. Наполеон, полагая, что союзники останутся на Рейне до весны, надеялся к тому времени усилить кор-

⁶ Друо, не молодцеватый и неловкий человек, сперва не был оценен по надлежащему Наполеоном, который, однако же, впоследствии узнав его, отдал ему полную справедливость. Однажды, в конце 1813 года, Наполеон, указав на него и обратясь к ближайшим из своих сподвижников, сказал: «Мне нужно было бы таких сто человек». «Нет, государь, вы ошибаетесь; вам их нужно сто тысяч», – отвечал Друо. Благодарный воин последовал за падшим властителем Франции в изгнание и был губернатором острова Эльбы в продолжение пребывания там Наполеона.

пусы, стоявшие на этой реке, до двухсот тысяч человек, что вместе с гвардией должно было составить трехсоттысячную армию. Кроме того, декретом 6 января н. ст. 1814 года определено выслать на сборные пункты национальную стражу в составе 121 батальона⁶. Но в ожидании того войска, рассеянные на огромном протяжении, они не могли остановить союзников. Наполеон весьма хорошо знал слабость своих вооруженных сил и вовсе не предполагал противопоставить наступающим союзным армиям неодолимую преграду. Расположение французских войск по Рейну имело в виду единственно образовать завесу, которая, отделив неприятеля от Франции, не позволяла ему ни собрать точные сведения о затруднительном положении Наполеона, ни открыть сношения с враждебной правительству партией роялистов. И потому вывод, сделанный некоторыми военными людьми, и в числе их Кохом⁷, о необходимости сосредоточения сил французской армии в начале кампании 1814 года едва ли основателен. Если бы Наполеону и удалось удержать Главную союзную армию, то вторжение неприятельских войск внутрь страны на прочих пунктах лишило бы его средств, заключавшихся в потерянных областях, и обнаружило бы безнадежность и уныние, тогда господствовавшие во французском народе. На стороне союзников было такое решительное превосходство в числе и качестве войск, что если бы они по прибытии на Рейн продолжали безостановочно движение, то, без всякого сомнения, еще в конце 1813 года достигли бы Парижа. Бездействие их дало Наполеону время сплотить его расстроенную армию, воспользоваться разномыслием союзников и нанести им чувствительные удары.

Тем не менее, однако же, вторжение союзных войск в Голландию во второй половине ноября весьма озаботило Наполеона и заставило его обратить туда лучшую часть остатков своей армии. Кроме дивизии Молодой гвардии генерала Роге в числе 6 000 человек, уже находившейся в Бельгии, были посланы к голландским границам еще не успевшие сформироваться две дивизии Молодой гвардии (Бойе и Барруа). Наполеон, сверх того, направил из Трира в Брюссель дивизию Старой гвардии Фриана и гвардейскую кавалерийскую дивизию Ляферьер-Левека, в числе 4 800 человек пехоты и 2 400 человек кавалерии; другая дивизия Старой гвардии Мишеля формировалась в Люксембурге, а две дивизии Молодой гвардии под начальством Нея – в Меце. Таким образом, в начале 1814 года для обороны Рейна на всем пространстве от Майнца до Базеля оставались только корпусы Мармона и Виктора, в числе около 20 000 человек пехоты и 7 000 человек кавалерии⁸.

Глава III

Состав, число войск и план действий союзников. Комплектование и снабжение запасами русских войск

Усиление союзных армий подкреплениями. – Состав и число войск союзных армий: Главной, Силезской, Северной. – Число союзных войск в действующих армиях. – Число резервов. – Положение обеих сторон. – Выгоды, бывшие на стороне Наполеона. – План действий союзников. – Виды австрийцев. – Нарушение нейтралитета Швейцарии. – Комплектование русских войск. – Снабжение их провиантом, одеждой, обувью. – Реквизиции. – Содержание госпиталей. – Издержки на содержание русских войск вообще в кампанию 1814 года.

В продолжение двух месяцев, истекших со времени прибытия союзников на Рейн, войска их были значительно усилены как выставленными для содействия им германскими корпусами, так и подкреплениями, прибывшими на укомплектование армий коалиции. Немецкие владетели, привыкшие носить ярмо, наложенное на них Наполеоном, вооружились, хотя и неохотно, против своего покровителя. Одновременно с тем из Пруссии, Австрии, России двигались к Рейну многочисленные резервы. Русская армия, несмотря на удаление от источников своих средств, получила, благодаря деятельности Аракчеева, подкрепления, вознаградившие с избытком потерю, понесенную на полях Лейпцига. Войска Барклая-де-Толли, прибывшие на Рейн в конце октября в числе около 40 тысяч человек¹, считали в рядах своих в начале 1814 года более 60 тысяч². Корпус Ланжерона, перешедший через Рейн в числе 19 тысяч человек и состоявший в начале 1814 года всего из 30 тысяч, впоследствии усилился до 40 тысяч, а корпус Сакена, не превосходивший после сражения при Лейпциге 10 440 человек, был усилен войсками князя Щербатова и подкреплениями, прибывшими к концу 1813 года, до 20 тысяч³. Владетели бывшего Рейнского союза выставили требуемые от них войска в числе до 145 000 человек, которые, за исключением баварского и виртембергского контингентов, уже вошедших в состав Главной союзной армии, были разделены на шесть корпусов, приданных к этой и прочим армиям. Тогда же было приступлено к образованию в прирейнских владениях ландвера в числе также около 145 000 человек⁴. На эти же владения была наложена контрибуция в 44 250 000 франков (около 12 миллионов рублей серебром), равнявшаяся годовому их доходу. Эту сумму положено было обратить на содержание союзных армий так, чтобы Россия, Австрия и Пруссия получили по $\frac{5}{17}$, а Швеция и Ганновер по $\frac{1}{17}$ всей суммы⁵.

Подобно тому, как в 1793 году Франция, угрожаемая вторжением европейских полчищ, выставила несметные силы, Европа, предводимая императором Александром, решившись положить конец тяготевшему над ней преобладанию завоевателя, дружно ополчилась против Франции. Ни одна из коалиций, образовавшихся во время Французской республики и наполеоновой империи, не располагала такими силами, какие в конце 1813 года собирались на Рейне. Союзные войска, не считая армий, действовавших на Пиренейском полуострове и в Италии, вообще были разделены на три армии: *Главную, Силезскую, или блохерову, и Северную*, но из последней участвовала в зарейнском походе только часть, да и та почти вся вошла в состав блохеровой армии.

В Главной армии, состоявшей по-прежнему под начальством князя Шварценберга, находились следующие части войск.

Австрийские легкие дивизии графа Бубны и принца Морица Лихтенштейна; австрийские же корпусы: 1-й, графа Коллоредо; 2-й, принца Людовика Лихтенштейна, и 3-й, графа Гиулая, всего в числе 54 388 человек с 224 орудиями.

7-й германский союзный корпус⁷ (виртембергский), под начальством наследного принца Виртембергского, в числе 14 000 человек с 24 орудиями.

Войска, состоявшие под начальством графа Вреде⁸: австрийский корпус барона Фримона, в числе 9 200 человек с 48 орудиями; 1-й германский союзный корпус (баварский), в числе 25 000 человек с 76 орудиями.

Корпус графа Витгенштейна⁹, в числе 21 000 человек с 56 орудиями.

Австрийские резервы под начальством наследного принца Гессен-Гомбургского, в числе 18 500 человек с 100 орудиями. Кроме того, при главной квартире состояли: 1) дивизия генерал-лейтенанта Прогаски (Prohaska) из 6 ландверных батальонов; 2) резервная артиллерийская дивизия фельдмаршал-лейтенанта Рейснера из 26 резервных артиллерийских и 27 мастерских рот; 3) дивизия генерал-квартирмейстера Лангенау из 8 пионерных рот, 800 понтонеров и конвойных команд. Число австрийских войск при главной квартире вообще могло простираться до 9 800 человек.

Русские резервы под начальством графа Барклая-де-Толли. Пехотой резерва командовал граф Милорадович, а кавалерией князь Голицын. В составе пехоты находились: 1) гренадерский корпус Раевского, в числе 10 005 человек с 32 орудиями; 2) гвардейский корпус под начальством Ермолова, в числе 12 950 человек с 36 орудиями; 3) прусская гвардейская пехотная бригада полковника Альвенслебена, в числе 4 587 человек; 4) кирасирский корпус и легкая гвардейская кавалерийская дивизия, в числе 8 409 человек с 16 орудиями; 5) прусская гвардейская конная бригада полковника Ларош-Старкенфельса, в числе 1 270 человек с 8 орудиями; 6) русская резервная артиллерия, 58 орудий, с прислугой 1 267 человек; 7) войска инженерного ведомства, 208 человек.

Казачьих полков под общим начальством графа Платова 20, донская казачья рота, в числе до 6 000 человек с 12 орудиями.

При главной квартире состояло различных русских полков и команд до 1 500 человек.

Всего же в Главной союзной армии при открытии похода находилось:

	Бат.	Эскадр.	Орудий	Число человек
Австрийцев	128	157	372	92 000
Русских	74	99	210	61 400
Баварцев	30	30	76	25 000
Виртембергцев ¹⁰	15	16	24	14 000
Прусской гвардии ¹¹	8	8	8	5 900
Вообще же	255	310	690	198 300

Русских¹⁰

Виртембергцев¹¹

Прусской гвардии¹²

Впоследствии должны были присоединиться к этой армии: 1) 6-й германский союзный корпус, в числе 4 000 австрийцев и 9 250 человек прочих войск с 16 орудиями; 2) 8-й германский союзный корпус, в числе 10 330 человек с 16 орудиями.

⁷ 4-й корпус Главной армии.

⁸ 5-й корпус Главной армии.

⁹ 6-й корпус Главной армии.

¹⁰ Некоторые батальоны и эскадроны были сведены по два в один. В общем числе войск показаны казачьи полки и команды.

¹¹ Впоследствии виртембергский корпус был усилен резервами в числе от 8 000 до 10 000 человек.

¹² В составе прусской гвардии находились баденские войска: гвардейский батальон и конная батарея. Впоследствии прибыли к ней еще две батареи.

Вообще же число войск Главной армии, вместе с 6-м и 8-м германскими корпусами и с подкреплениями, прибывшими в феврале к 4-му (виртембергскому) корпусу, простиралось до 232 207 человек с 722 орудиями⁶.

В составе блохеровой (бывшей Силезской) армии находились русские корпуса графа Ланжерона и Сакена и прусские Йорка и Клейста.

Корпус графа Ланжерона – в числе до 36 000 человек с 136 орудиями.

Корпус Сакена – в числе до 20 000 человек с 96 орудиями.

Корпус Йорка – в числе до 20 000 человек с 104 орудиями.

Корпус Клейста, остававшийся под эрфуртской цитаделью и присоединившийся к армии уже впоследствии, состоял в числе до 20 000 человек с 112 орудиями.

Всего же в блохеровой армии находилось:

	Бат.	Эскадр.	Орудий	Число человек
Русских	78 ^{***}	64	232	56 000
Пруссаков	68 ½	88	216	40 000
Вообще же	146 ½	152	448	96 000

Русских¹³

Впоследствии должны были присоединиться к блохеровой армии корпуса германского союза: 4-й (гессенский), в числе 12 000 человек с 32 орудиями, и 5-й (сводный), в числе 9 230 человек с 20 орудиями.

Вообще же число войск блохеровой армии, вместе с приданными ей 4-м и 5-м германскими корпусами, простиралось до 117 230 человек с 500 орудиями⁷.

Из войск Северной армии участвовали в походе во Францию только корпуса русский Винцингероде и прусский Бюлова. Бригада Борстеля (корпуса Бюлова), 3-й германский союзный корпус и 10 000 английских войск назначены были для занятия Голландии и Бельгии; корпус графа Вальмодена до конца февраля н. ст. оставался под Гамбургом, а шведский и 2-й германский корпусы приблизились также впоследствии к границам Франции.

Корпус генерала Винцингероде состоял в числе 36 000 человек с 132 орудиями. Корпус Бюлова – в числе 30 000 человек с 96 орудиями.

3-й германский союзный корпус – в числе 23 350 человек с 56 орудиями. Вообще же в этих трех корпусах состояло до 90 000 человек с 284 орудиями, а вместе с нидерландскими и английскими войсками, находившимися в Голландии и Бельгии, до 110 000 человек.

Корпус графа Вальмодена – в числе 15 000 человек с 32 орудиями.

Шведский корпус – в числе 23 000 человек с 62 орудиями.

2-й германский корпус – в числе 32 900 человек с 64 орудиями.

Всего же в Северной армии состояло до 180 000 человек с 442 орудиями⁸. Вообще же, не считая войск, остававшихся назади, было собрано на Рейне и в Нидерландах, во всех трех союзных армиях:

	Бат.	Эскадр.	Казачьи полки	Оруд.	Число человек
Русских	193	210	65	574	153 000
Австрийцев	128	157	–	372	96 000
Пруссаков	120 ½	146	–	312	75 000
Германских войск	86	61	–	156	62 350
Нидерландских	–	–	–	–	10 000
Английских	–	–	–	–	9 000
Всего же	527 ½	574	65	1 414	405 350

¹³ Некоторые батальоны и эскадроны были сведены по два в один.

Присоединив же к этим войскам остальные корпуса Германского союза и Северной армии, получим общее число действующих сил, выставленных союзниками против Франции со стороны Рейна, до 517 000 человек с 1 676 орудиями.

Резервы состояли из следующих войск: 1) остальных ландверов Германского союза, в числе около 100 000 человек; 2) австрийского резерва, 20 000 человек; 3) армии генерала Беннигсена, 35 000; 4) армии князя Лобанова-Ростовского 60 000 человек; 5) 4-го прусского корпуса графа Тауэнцина, 50 000; 6) прусского резервного корпуса принца Людовика Гессен-Гомбургского в Вестфалии, 20 000; 7) корпуса, составленного из российско-прусских войск, блокировавшего Глогау, 15 000; вообще же было резервных войск до 300 000 человек⁹. Следовательно, число всех союзных войск, не считая действовавших в Италии и со стороны Пиренеев, простиралось свыше 800 000 человек, при коих состояло более 2 000 орудий.

Из сравнения сил обеих воевавших сторон оказывается решительное превосходство союзников над французами, как в числе, так и в качестве войск. Но на стороне Наполеона также были важные выгоды, которые отчасти вознаграждали перевес его неприятелей в силах. Многие крепости, находившиеся на путях действий союзных армий, заставляли их ослабиться отряжением блокадных корпусов. Союзники не имели ни обеспеченных переправ на реках, пересекающих театр войны, ни опорных пунктов, ни складов продовольствия, и были принуждены учредить огромные подвижные магазины, для прикрытия коих отделялись от армии значительные отряды; по мере вторжения в неприятельскую страну союзные войска удалялись от источников своих средств; жители Франции, и в особенности восточных департаментов ее, враждебные им, скрывали от них свои запасы, следили за их движениями, передавали все замеченное французским войскам и даже иногда вооружались против союзников; наконец, союзные армии, руководимые несогласными между собой видами Кабинетов, весьма часто действовали нерешительно и без взаимной связи. Напротив того, Наполеон, ведя войну в собственной стране и в соседстве своих крепостей, находил в них подкрепления, оружие, боевые и жизненные запасы, убежище разбитым частям войск и приют раненым, больным и усталым солдатам. Жители открывали для своей армии спрятанные ими хлеб и вино, служили проводниками и лазутчиками, выставляли тысячи подвод для перевозки продовольствия и для передвижения войск. Но всего важнее было то, что Наполеон, управляя армией так же неограниченно, как и страной, устремлял действия своих войск к определенной цели с быстротой и решительностью, ему свойственными.

Не должно также упускать из вида, что неудачи, понесенные прежними коалициями, при покушениях их вторгнуться во Францию, заставляли союзных дипломатов и военачальников смотреть с недоверием на всякую попытку наступательных действий. Как грозный призрак, восставали пред ними воспоминания – и неудачной экспедиции в Шампань, и целого ряда побед, одержанных Наполеоном в предшествовавших войнах. Правда, в Силезской армии был составлен план действий, на основании которого предполагалось еще в половине ноября н. ст. переправиться через Рейн у Мюльгейма, несколько ниже Кельна, и вторгнуться в Бельгию, где находились значительные оружейные заводы. Пылкий Блюхер, не выждав соизволения союзных монархов на это предприятие, выступил со своими главными силами 26 октября (7 ноября) от Гиссена к нижнему Рейну. Но, между тем, партия мира весьма успешно воспользовалась отсутствием короля Фридриха-Вильгельма и Штейна, из коих первый после сражения под Лейпцигом уехал в Берлин, а второй находился в качестве председателя Центрального управления (Central Verwaltung) в Лейпциге. На Военном совете, созванном во Франкфурте императором Александром в день выступления Силезской армии от Гиссена, генерал Гнейзенау старался доказать необходимость неотлагательного наступления и выразил мнение, что предметом действий союзников долженствовала быть столица Франции. Кнезебек, напротив того, полагал, что Главной и Силезской армиям следовало оставаться на Рейне, «дабы удержать тем Наполеона у Майнца», между тем как корпуса Бюлова и Винцингероде овладеют Нидер-

ландами. Мнение Кнезебека встретило сильные возражения не только генерала Гнейзенау, но и со стороны уполномоченных Оранского Дома и английских военных комиссаров, которые, дорожа паче всего завоеванием Нидерландов, считали успех этого предприятия сомнительным в случае бездействия союзников на Рейне. По свидетельству самого Кнезебека, сам «фельдмаршал Vorwarts¹⁴ принял участие в споре, осыпав его самыми жестокими упреками». На совете не было решено ничего¹⁰, однако же император Александр настаивал на необходимости энергического продолжения войны и предложил план наступательных действий, заключающийся в том, чтобы Главная армия, избегая местных преград и крепостей на пространстве между Майнцем и Страсбургом, вступила во Францию со стороны Швейцарии; одновременно с тем Блюхер должен был перейти через Рейн у Мангейма и действовать наравне с Главной армией, а войска австрийские в Италии и Веллингтон – также наступать концентрически к Парижу. Наследному шведскому принцу было предоставлено завоевание Голландии¹¹. В составлении этого плана действий принимали большое участие австрийские генералы, и в особенности генерал-квартирмейстер Главной армии Лангенау¹², однако же Меттерних, надеясь дать общему делу оборот, соответствовавший видам и пользам австрийского правительства, склонил союзников к открытию переговоров с Наполеоном. Один из агентов французского Министерства иностранных дел, барон Сент-Эньян, попавшийся в плен отряду полковника Храповицкого, был послан в Париж с предложением Наполеону условий мира, на основании которых Франция ограничивалась естественными пределами: Рейном, Альпами и Пиренеями и – как будто бы такой снисходительности со стороны союзников было еще недостаточно – изъявлялась готовность дать вице-королю принцу Евгению владение в Италии. Если бы Наполеон немедленно согласился на эти предложения, то удержал бы господство над всеми германскими странами, лежащими по левую сторону Рейна и Бельгией, и в таком случае ничто не мешало ему, выждав благоприятнейшие обстоятельства, снова приобрести все потерянное. К счастью союзников, Наполеон, вероятно, имея в виду выторговать еще выгоднейшие условия мира либо не доверяя союзникам, отклонил сделанное ему предложение. Впоследствии сознав свою ошибку, он изъявил согласие на требуемые уступки, но уже было поздно. Союзники, получив сведения об огромных приготовлениях французского правительства к продолжению войны и убедившись в том, что бездействие их могло иметь весьма пагубные последствия, решились возобновить наступление. Но многие из влиятельных лиц главной квартиры считали опасными действия по прямому направлению со среднего Рейна, где союзники, оставив за собой важные укрепленные пункты Майнц и Кель, встретили бы естественные преграды – сперва Вогезы, а потом Мозель и Маас; в особенности же возбуждал сомнения ученых стратегов тройной ряд крепостей, воздвигнутых Вобаном, которых Лангенау насчитывал сто три на пространстве между Дюнкирхеном и Гюнингеном¹³. И потому положено было, чтобы большая часть Главной армии, обойдя истоки Мозеля и Мааса, двинулась между Вогезами и Юрой к Лангрскому плато; армия же Блюхера (бывшая Силезская) должна была направиться прямо от среднего Рейна чрез Шалон и Витри и, обратив на себя внимание неприятеля, содействовать успеху наступления Главной армии. Маршруты были соображены так, чтобы к 15 января н. ст. Главная армия прибыла к Лангру, а Силезская к Мецу. Дальнейшим предметом действий был назначен Париж, причем обстоятельства должны были указать выгоднейшее направление к этому пункту. В случае если бы оказалось удобным обойти неприятеля, выдвинув вперед Главную армию, следовало направиться чрез Труа, отрядив часть сил на Орлеан для пресечения подвозов из южных областей к Парижу. Если же было бы выгоднее совершить обход со стороны Блюхера, то надлежало ему, присоединив к своей армии корпусы Бюлова и Винцингероде, двинуться к Парижу доли-

¹⁴ «Вперед!» Так звали Блюхера и пруссаки, и русские, состоявшие под его начальством.

ной Марны. Корпусам Северной армии, русскому Винцингероде и прусскому Бюлова следовало наступать от нижнего Рейна.

Таким образом, на основании этого плана действий предполагалось вторгнуться во Францию на пространстве семисот верст от Зюй-дер-Зее до Юры. Не должно упускать из вида, что за отделением отрядов, необходимых для обложения крепостей на путях действий и для прикрытия сообщений, союзники, несмотря на многочисленность войск, состоявших в их распоряжении, могли направить к Лангрену и Мецу вообще не более двухсот тысяч человек и что эти силы наступали не на одной высоте и были разделены на несколько частей, разобщенных между собой естественными преградами. Нет сомнения в том, что Наполеон воспользовался бы разделением союзных войск, если бы мог где-либо собрать достаточные силы¹⁴.

Император Александр не только одобрил этот план действий, но участвовал в составлении его, что видно из следующих слов его в письме к наследному шведскому принцу: «Voici le plan que j'ai proposé et sur lequel les autorités militaires autrichiennes et prussiennes sont tombées complètement d'accord» («Вот план, мной предложенный, с которым австрийские и прусские генералы совершенно согласились»). В действительности же сей план был плодом соображений австрийского штаба, но был изменен императором Александром в том, что: 1) Силезская армия назначена была не отвлекать демонстрациями неприятеля (как предполагал Лангенау), а наступать решительно наравне с Главной армией, и 2) предположено довершить завоевание Голландии. Исполнение предположений, заключавшихся в этом плане действий, соответствовало видам Венского Двора, клонившимся не к уничтожению господства Наполеона, а к завоеванию Италии. Для этого австрийцы хотели занять Швейцарию и овладеть важнейшими проходами через Альпы, что подавало им возможность открыть сообщение с армией графа Беллегарда, действовавшей в Италии, как только удалось бы ей проникнуть в Ломбардию, и угрожать сообщениям находившейся там французской армии. Императору Александру представлены были эти предположения совершенно в ином виде. Австрийский главный штаб изложил мнение, что, действуя таким образом в тыл вице-королю, можно было, по всей вероятности, побудить его к очищению Италии, и в таком случае беллегардова армия, двигаясь вслед за ним, достигла бы Лиона и вошла бы в связь с одной стороны с Главной союзной армией, а с другой – с армией Веллингтона¹⁵.

Император Александр, сознавая выгоды вторжения во Францию со стороны верхнего Рейна, не хотел, однако же, нарушить неприкосновенность Швейцарии. Швейцария почти всегда оставалась нейтральной в прежних войнах между ее соседями, и как только после сражения под Лейпцигом театр действий сблизился с ее границами, швейцарцы на чрезвычайном сейме, созванном 18 ноября н. ст., возобновили объявление своего нейтралитета и выставили для охранения границ страны корпус, долженствовавший усилиться до двадцати тысяч человек. Наполеон немедленно признал нейтралитет Швейцарии, служивший к прикрытию доступнейшей части границ Франции. Но союзники не считали себя обязанными уважать нейтралитет страны, в которой Наполеон на основании конституции считался посредником (*médiateur*). К тому же Швейцария, по договору, заключенному с Наполеоном,ставляла во французскую армию до 16 000 человек войска, и даже в то самое время, когда на сейме происходили прения о нейтралитете, в некоторых кантонах набирались рекруты для пополнения контингента, состоявшего на службе во Франции. Союзники имели право не признавать нейтралитета Швейцарии и произвести вторжение в ее пределы, тем более что отложение швейцарцев от Наполеона, вынужденное силой обстоятельств, не обеспечивало союзную армию в случае, если бы после неудачного вторжения в пределы Франции ей пришлось отступать за Рейн. Но австрийцы, высказывая гласно выгоды занятия Швейцарии в военном отношении, скрывали свои виды как насчет господства в Италии, составлявшего постоянную цель австрийской политики, так и в рассуждении

Швейцарии, где они желали господствовать, изменив управление в пользу бернской олигархии. Император Александр, получив сведения об этих происках от воспитателя своего Лагарпа и от генерала Жомини, не хотел и слышать о вторжении в Швейцарию. Он потребовал, чтобы Главная армия перешла через Рейн ниже Базеля, в баденских владениях, и оттуда уже направилась к Лангру. Австрийские дипломаты, не осмеливаясь явно идти против воли главы Союза, прибегли к хитрости: несколько швейцарцев, преданных Венскому Кабинету, содействуя его видам, пригласили союзников в свою страну под видом охранения ее от демагогов. Опираясь на голос этих, по всей вероятности, продажных людей, австрийцы поставили на вид, что при открытии зимнего похода во Францию необходимо было обеспечить сообщение армии с левым берегом Рейна занятием Базельского моста, тем более, что французы не раз нарушали нейтралитет Швейцарии, и даже еще недавно, а именно в августе 1813 года, французская дивизия Буде воспользовалась этим мостом. Император Александр хотя и согласился на переправу армии в Базеле, однако же с условием, чтобы нейтральная линия была отодвинута от швейцарской границы не далее одной мили. Австрийцы, не будучи удовлетворены этой уступкой, решились направить Главную армию к переправам на Рейне лежащим выше Базеля, откуда по призыву преданной им партии могли внезапно вторгнуться в Швейцарию и занять эту страну, не выжидая определительного согласия императора Александра. Исполнение этого замысла было весьма удобно, потому что армия, во всяком случае, должна была двигаться вверх по Рейну, и левое крыло ее, направленное к швейцарской границе, состояло из австрийских войск и находилось в непосредственном распоряжении князя Шварценберга. Государь, узнав о том уже впоследствии, послал к главнокомандующему отзыв, в котором, изъявляя свое неудовольствие, писал, что это дело причинило ему одно из наибольших огорчений, испытанных им в продолжение всей его жизни¹⁶.

Выше уже изложено, какими огромными средствами для укомплектования войск располагали союзники при вторжении во Францию. Хотя часть резервов находилась под крепостями в тылу союзных армий, однако же все еще оставалось не менее 100 тысяч человек для вознаграждения убыли, неизбежной при ведении военных действий, а именно: резервная армия князя Лобанова-Ростовского, в числе 60 000 человек, пополняемая рекрутами последнего набора по манифесту 21 августа 1813 года¹⁷; австрийский резерв герцога Виртембергского, 20 000; прусско-вестфальский резерв принца Людовика Гессен-Гомбургского, также 20 000 человек. Несмотря на значительное расстояние театра военных действий от мест расположения резервной армии князя Лобанова, русские войска на Рейне и в пределах Франции были усилены 45 тысячами человек¹⁸. Прочие союзные армии также получили значительные подкрепления.

Снабжение огромного числа войск жизненными припасами было сопряжено с большими неудобствами. Источниками его служили, большей частью, реквизиции, собранные во владениях бывшего Рейнского союза и в завоеванной части Франции. При многочисленности и разнородности состава армий были неизбежны беспорядки, имевшие последствием опустошение зарейнской страны и возбуждение ее жителей к восстанию против союзников. Необходимость учреждения подвижных обозов в тылу армий нередко заставляла удерживать продолжительное время подводы, собранные на Рейне, что также было сопряжено с обременением жителей. Благодушный русский монарх беспрестанно напоминал начальникам войск о хорошем обращении с жителями, но, несмотря на то, в делах этой эпохи нередко встречаются примеры противного.

По прибытии на Рейн войска продовольствовались от жителей страны, по утвержденному Барклаем-де-Толли тарифу¹⁹; в местах же малонаселенных на каждом этапе или, по крайней мере, на тех пунктах, где предполагалось простоять несколько дней, заготавливались склады провианта, вина и фуража. Для избежания непомерного возвышения цен на эти продукты были

заключены с германскими правительствами конвенции, на основании которых местные управления были обязаны поставлять войскам провиант и фураж по определенной таксе. При сближении с неприятелем люди, имея на себе четырехдневный запас сухарей, довольствовались из десятидневного провианта, за ними следовавшего на полковых фурах и пополняемого из подвижных магазинов; для мясных порций гнали скот за войсками. Иногда, преимущественно же при отдельных отрядах, делались фуражировки.

По части обмундирования войск после прибытия главной квартиры во Франкфурт были сделаны два заготовления. Во-первых, для артиллерийских парков на сборном их пункте, в Нюрнберге, устроили депо готовых вещей; во-вторых, по требованию графа Витгенштейна были отпущены интенданту его войск Жуковскому деньги на покупку сукон в Швабии; но последовавшее вскоре после того движение армии во Францию не позволило воспользоваться этими материалами, которые большей частью были доставлены уже на возвратном походе в Россию, именно в Торне. По свидетельству графа Канкрин, это подало повод к порицанию распоряжений, сделанных по интендантской части, несмотря на то, что не всегда можно сделать заготовление в большом размере так успешно, как это делается в полку либо в другой части войск. В декабре, по прибытии главной квартиры в Фрейбург-в-Брисгау, генерал-интендант получил повеление доставить как можно скорее полушубки из Праги в Базель. Но как эта доставка не могла быть исполнена ранее марта, когда в полушубках уже не было бы надобности, то разрешили продать их в Праге, что и сделано с большим для казны убытком.

По вступлении во Францию часть предметов для одежды и обуви людей была приобретена посредством реквизиций либо покупкой и заготовлением материалов на сборных пунктах армии. Сначала местные французские управления исполняли усердно требования союзников, но впоследствии, когда Наполеону удалось одержать некоторые успехи и когда чрезвычайное умножение госпиталей и обозов, вместе с беспорядками, происходившими в тылу союзных армий, истощили терпение французов, добровольные поставки провиантских и комиссариатских припасов сделались затруднительны. К тому же, между союзниками не было согласия, и каждый заботился только о себе: баварцы не только самовольно заняли несколько департаментов и хозяйничали в них, но отказывались принимать в свои госпитали русских больных. После сражения при Монмирале, когда вся Лотарингия наполнилась ранеными и мародерами Силезской армии, жители этой области, возбужденные к восстанию французскими гарнизонами, вышедшими из Меца и других крепостей, вооружались против союзников и действовали на их сообщениях. Несмотря, однако же, на то, тайный советник Алопеус не только успел собрать для Силезской армии многие запасы, но выслал в главную квартиру Большой армии значительную сумму. Действительный статский советник Грюнер, управляя среднерейнской страной, также собрал большие реквизиции. Чиновники, высланные от корпуса барона Сакена, доставили в армию, на обратном походе ее в Варшаву, более 80 000 локтей (около 75 000 аршин) сукна. Главная же армия запасалась вещами сперва в Труа, а потом в Гагенау. Генерал Канкрин замечает, что уступчивость русского правительства к союзникам, заставляя жертвовать многим в их пользу, иногда затрудняла снабжение собственных войск.

По вступлении в Париж союзные войска воспользовались небольшими складами французской гвардии, остававшимися в городе. Впоследствии, при разделе прочих неприятельских запасов, на долю русских войск досталось до 2 500 ружей и до 12 000 киверов, которых часть, по воле императора Александра, была возвращена французскому правительству. В Париже войска получили часть сапожного товара, заготовленного в числе 100 000 пар в Лейпциге и 23 000 пар сапог отличного качества, купленных на месте по 7 % франков (около 2 рублей) каждая; кроме того, отпущены были деньги на покупку летних панталон. Благодаря этим распоряжениям обмундирование русской гвардии было приведено в такое состояние, что хотя она и не получила всего следуемого по положению, однако же возбуждала удивление парижан; прочие

же войска были кое-как одеты и обуты уже на возвратном походе, частью в Кельне, Мангейме, Раштадте и Гагенау, частью же на Эльбе и Одере.

Содержание госпиталей с первого шага в пределы Франции поступило на счет страны. При умножении числа раненых и больных, и в особенности у австрийцев, соединенное австрийско-русское интендантство Главной армии учредило одновременно госпитали на 24 000 человек; в Силезской армии были сделаны на сей предмет особые распоряжения. Русские госпитали большей частью были устроены в Вогезах, где раненые пользовались минеральными водами. Французы выказали свойственное просвещенному народу попечение о больных, которые вообще не терпели ни в чем нужды. Но вскоре военные обстоятельства заставили интендантство Главной армии очистить французские госпитали и отправить всех лежавших там в Германию; большая часть их была отослана с пособием подвижных магазинов; множество больных и раненых стекло в Альткирхе и Мюльгаузене; жители последнего города оказали большое содействие в призрении этих несчастных, а благоприятный оборот военных действий позволил приостановить очистку ближайших госпиталей. По сдаче Парижа множество раненых рассеялось по окрестным селениям, так что даже было трудно собрать их; впоследствии же французские местные управления чрезвычайно заботились о союзных госпиталях, и благодаря тому в ноябре 1814 года весьма лишь немного больных оставалось за границами Варшавского герцогства.

Издержки на содержание русских войск в 1814 году вообще простирались до 75 миллионов рублей ассигнациями, а именно:

1. На общие военные потребности	2 547 751 руб.
2. На провизантские расходы	11 975 452 руб.
3. На комиссариатские расходы	49 857 365 руб.
4. Австрийскому и прусскому правительствам за содержание русских госпиталей	10 403 448 руб.
5. Раненым офицерам третное жалование не в зачет	81 604 руб.
6. Пленным	6 494 руб.
Всего	74 872 114 руб. ²⁰

Глава IV

Наступление Главной и Силезской союзных армий от Рейна к Обе

Расположение союзных армий в конце ноября 1813 года. – Фланговое движение влево Главной армии. – Император Александр решает переправу через Рейн. – Переправа Главной армии. – Высочайший приказ по русским войскам. – Наступление Главной армии: графа Бубны к Женеве и принца Алоизия Лихтенштейна к Безансону; наследного принца Гессен-Гомбургского к Дижону и графа Коллоредо к Шатильон-сюр-Сен; графа Вреде к Нешато; наследного принца Виртембергского к Лангру; графа Витгенштейна к Нанси; российско-пруссских резервов к Лангру. – Наступление передовых корпусов Главной армии к Бар-сюр-Об. – Блюхер и главная квартира Силезской армии. – Переправа через Рейн Силезской армии. – Воззвания Блюхера к войскам и к жителям страны. – Наступление Силезской армии; отряжение корпуса Йорка для наблюдения за крепостями на Мозеле и дальнейшее наступление Блюхера. – Занятие Нанси. – Движение к Марне. – Ослабление союзных армий.

В конце ноября н. ст. 1813 года Главная и Силезская союзные армии были расположены на Рейне следующим образом.

Главная армия, вместе с баварской армией Вреде, занимала квартиры в гросс-герцогствах Франкфуртском, Гессен-Дармштадтском и Баденском и в королевстве Виртембергском. Главные квартиры союзных монархов и фельдмаршала князя Шварценберга находились во Франкфурте, а графа Баркляя-де-Толли – в Ашафенбурге¹.

Бывшая Силезская армия была расположена в нассауских владениях, выдвинув линию передовых постов вдоль Рейна, между Эренбретштейном и устьем Майна. Главная квартира фельдмаршала Блюхера находилась в Гехсте (между Франкфуртом и Майнцем)².

Корпусы Северной армии, русский генерала Винцингероде и прусский генерала Бюлова действовали в Нидерландах.

В таком расположении оставались первые две армии: Главная до 28 ноября (10 декабря) 1813, а Силезская до 1 (13) января 1814 года.

Как только на основании общего плана действий положено было вторгнуться во Францию, корпуса Главной армии, сделав фланговое движение влево, подошли во второй половине декабря н. ст. к указанным для них пунктам переправы через Рейн, на пространстве между Шафгаузеном и Фор-Луи (Фор-Вобан)¹⁵. Вместе с фланговым передвижением армии главная квартира князя Шварценберга перешла в Фрейбург¹⁶ 29 ноября (11 декабря); император Франц прибыл туда же 3 (15), а император Александр 14 (26) декабря. Меттерних, желая ослабить влияние российского монарха на судьбу Европы, покушался склонить его к пребыванию во Франкфурте, где, по уверениям австрийского дипломата, он мог, находясь ближе к месту переговоров, управлять их ходом. Но государь, разгадав цель своих союзников и считая военные действия важнейшим делом, нежели переговоры о мире, отклонил сделанное ему предложение и решил сопроводить армию при вторжении ее в пределы Франции³. Российско-пруссские резервы, выступив с кантонир-квартир в вюрцбургских и баденских владениях позже прочих войск, подошли в десяти эшелонах к Лерраху (Lorrach) с 20 декабря по 1 января (с 1 по 13 января н. ст. 1814 года); главная квартира Баркляя-де-Толли перешла 18 (30) декабря в Фрей-

¹⁵ Фор-Луи в 32 верстах ниже Страсбурга.

¹⁶ Фрейбург-в-Брисгау.

бург, куда несколько дней спустя также прибыл и великий князь Константин Павлович. Таким образом, в то самое время, когда Наполеон, считая границы Франции наиболее подверженными опасности со стороны Голландии, сосредоточивал большую часть своих войск в Бельгии, Главная союзная армия совершила передвижение в противоположную сторону, к верхнему Рейну. Для противодействия обеим армиям, Шварценберга и Блюхера, считавшим в рядах своих до 280 000 человек, у французов было не более 27 000 человек, а именно корпуса Виктора и Мильго (6 310 человек пехоты и 3 830 человек кавалерии) в Альзании и корпуса Мармона и Думерка (13 507 человек пехоты и 3 263 человек кавалерии) на пространстве от Ландау до Кобленца. Резервы, собиравшиеся за ними у Меца и на Марне, не могли быть готовы к действиям прежде конца января. Ничто не мешало союзникам воспользоваться решительным превосходством сил, уничтожить остатки неприятельской армии и двинуться к Парижу.

Но вместо того поборники мира возобновили усилия к замедлению военных действий. Меттерних, зная, что вмешательство австрийцев во внутренние дела Швейцарии поселило в императоре Александре чрезвычайную недоверчивость к политике Венского Двора, желал, более нежели когда-либо, окончить как можно скорее общее дело коалиции мирным путем. Тогда же получен был в главной квартире отзыв Коленкура, в котором он извещал, что Наполеон, имея в виду доказать свою готовность к миру, поручил переговоры о том ему, французскому министру иностранных дел, снабдив его надлежащим полномочием, и что он, прибыв на аванпосты, ожидает там пропуска, чтобы явиться на совещание с уполномоченными союзных держав. Меттерних обнадежил его в открытии конгресса, как только прибудет английский министр иностранных дел лорд Кестльри (Castlereagh)⁴, и, решившись сделать последнюю попытку к замедлению военных действий, предложил союзным государям, чтобы они вместе с дипломатами остались в Фрейбурге, как весьма удобном пункте для пребывания главных квартир, в ожидании прибытия Коленкура. Но император Александр решительно изъявил свое несогласие. «Je suis loin de reconnaître les avantages que Vous trouvez à ce Fribourg, – сказал он. – Plus nous épargnons de chemin au négociateur français, plus il me semble que nous nous plaçons bien. Avoir fait signer la paix à la France de ce côté du Rhin ou bien de l'autre, au coeur de la France même, ne me paraît nullement indifférent pour les souverains alliés, et une circonstance historique pareille vaut bien la peine de se déplacer». («Я вовсе не признаю тех выгод, которые, по вашему мнению, представляет Фрейбург. Чем более сокращаем дорогу французскому уполномоченному, тем поставляем себя в лучшее положение. Заставить Францию подписать мир по сторону или по другую Рейна, в недрах самой Франции, сколько мне кажется, не есть одно и то же для союзных государей. Такое историческое обстоятельство стоит труда переехать с одного места на другое»). В тот же день, 26 декабря (7 января), император Александр отправился из Фрейбурга в Леррах⁵.

Переправа через Рейн была совершена войсками Главной армии на нескольких пунктах.

В ночь с 8 (20) на 9 (21) декабря перешли чрез реку все австрийские корпуса в Базеле, Кренцахе (выше Базеля), Лауфенбурге и Шафгаузене; 10 (22) декабря, пополудни, переправились в Базеле баварско-австрийские войска генерала Вреде; 19 (31) декабря при Меркте (Markt), близ Гюнингена, виртембергский корпус. Граф Витгенштейн получил приказание обложить Кель, сохраняя сообщение между виртембергским корпусом и блюхеровой армией и угрожать неприятелю переправой в окрестностях Страсбурга. Наконец, российско-пруссские резервы, пройдя несколькими эшелонами чрез Фрейбург с 16 по 27 декабря (с 28 декабря 1813 года по 8 января н. ст. 1814 года), сосредоточились у Лерраха к 1 (13) января и перешли через Рейн у Базеля в сей же день, спустя год после перехода русских через Неман⁶.

Император Александр во время своего пребывания в Фрейбурге отдал следующий приказ по русским войскам.

«Воины! Мужество и храбрость ваша привели вас от Оки на Рейн. Они ведут нас далее: мы переходим за оный, вступаем в пределы той земли, с которой ведем кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили Отечество свое, возвратили Европе свободу ее и независимость. Остается увенчать великий подвиг сей желаемым миром. Да водворится на всем шаре земном спокойствие и тишина! Да будет каждое царство под единой собственною правительства своего властью и законами благополучно! Да процветают в каждой земле, ко всеобщему благоденствию народов, вера, язык, науки, художества и торговля! Сие есть намерение наше, а не продолжение брани и разорения. Неприятеля, вступая в средину царства нашего, нанесли нам много зла, но и претерпели за оное страшную казнь. Гнев Божий поразил их. Не уподобимся им: человеколюбивому Богу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава россиянина – низвергать ополченного врага и по исторжении из рук его оружия благодетельствовать ему и мирным его собратьям. Сему научает нас свято почитаемая в душах наших православная вера: она божественными устами вещает нам: любите враги ваша и ненавидящим вас творите добро. Воины! Я несомненно уверен, что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием своим, сколько оружием, и, соединяя в себе храбрость воина против вооруженных с благочестием христианина против безоружных, довершите многотрудные подвиги свои сохранением приобретенной уже вами славы мужественного и добронравного народа. Вы ускорите через то достигнуть конца желаний наших, всеобщего мира. Я уверен также, что начальствующие над вами не оставят взять нужных для сего и строгих мер, дабы несогласные с сим поступки некоторых из вас не помрачили, к общему вашему прискорбию, того доброго имени, которым вы доселе по справедливости славитесь»⁷.

Совершив переправу через Рейн, австрийские войска двинулись вперед пятью колоннами, частью по дороге, ведущей от Базеля на Везуль к Лангру, частью левее; российско-пруссские резервы следовали за австрийскими корпусами, направленными к Лангру; прочие же три корпуса – австро-баварский генерала Вреде, виртембергский и русский графа Витгенштейна – двигались правее помянутой дороги. Вообще же необходимость блокировать крепости на путях действий и другие второстепенные цели весьма усложнили наступление девяти колонн Главной союзной армии.

Наступление первой колонны графа Бубны от Базеля к Женеве и второй, принца Алоизия (Людовика) Лихтенштейна, от Базеля чрез Понтарлье к Безансону.

Эти колонны, состоявшие из легкой дивизии графа Бубны и 2-го корпуса князя Алоизия Лихтенштейна, направились от Базеля в авангарде армии к Берну. По занятии этого города, 11 (23) декабря, граф Бубна получил повеление отрядить бригаду Шейтера к Понтарлье (Pontarlier), где она, вместе с дивизией Алоизия Лихтенштейна расположившись на Дубсе, должна была прикрывать с фланга вторжение прочих колонн. Сам же Бубна, с другой своей бригадой и с частью 2-го корпуса¹⁷, двинулся к Женеве для занятия этого важного пункта, что в случае успешного наступления австрийских войск, действовавших в Италии, могло обеспечить их связь с Главной союзной армией. Французский генерал Йорди (Iordy), с 3 200 человек линейных войск и национальной гвардии находившийся в Женеве, готовился оборонять город, но в то самое время, когда подошли австрийцы, с ним случился удар. Артиллерийский генерал Монфор (Montfort) не отважился принять начальство над гарнизоном, а префект барон Капель (Capelle) бежал из Женевы; в таких обстоятельствах оборона плохо укрепленного города делалась невозможной. 18 (30) декабря французские войска поспешно выступили из Женевы

¹⁷ Бригада генерала Цехмейстера; дивизия фельдмаршал-лейтенанта Грега (Greth); два батальона полка Рейсс-Грейца; один батальон полка Фогельзанга.

по дороге в Шамбери и заняли позицию у Рюмильи (Rumilly). Австрийцы, немедленно заняв город, нашли там огромную военную добычу: более ста осадных орудий, 30 полевых, 15 зарядных ящиков и ручного оружия на тысячу человек пехоты; в плен захвачены генералы Йорди и Монфор.

Граф Бубна мог бы столь же легко овладеть Лионом, вторым городом Франции, для обороны коего не было принято никаких мер, но, получив от князя Шварценберга повеление направиться к Полинья (Poligny), чтобы сохранить связь с левым крылом Главной армии, немедленно туда выступил с большей частью своих войск. Генерал Цехмейстер с особым отрядом получил приказание охранять Женеву и овладеть фортом л'Еклюз, прикрывавшим доступ к этому городу со стороны Лиона, а полковнику Зимбшену, отряженному еще прежде из Лозанны вверх по Роне, поручено овладеть проходами через Сен-Бернар и Симплон, чтобы прервать сообщения французской армии, действовавшей в Италии⁸. Генерал Цехмейстер овладел фортом л'Еклюз с семью орудиями, опрокинул французский отряд, стоявший на пути к Шамбери, и вступил в сей город 8 (20) января; полковник Зимбшен занял Симплон и Сен-Бернар, отразил неприятеля, наступавшего со стороны Италии, 20 и 21 декабря (1 и 2 января н. ст. 1814 года) и, взорвав часть дороги, ведущей из Аосты к Сен-Бернару, расположился в городе Тононе (Thonon) на Женевском озере, но все усилия его вооружить жителей окрестной страны в пользу их законного государя, короля сардинского, не имели успеха. Войска же, состоявшие под непосредственной командой графа Бубны, достигнув реки Дубса, обратились к Лиону, где в то время находился французский генерал Мюнье (Musnier) с 4 000 человек, в числе коих было не более 1 700 человек регулярных войск. 6 (18) января граф Бубна подошел к городу, и нет сомнения в том, что он ввечеру того же дня занял бы Лион, если бы ему была достоверно известна слабость французского гарнизона. Но как число войск отряда графа Бубны не превышало 4 000 человек, а между тем беспрестанно приходили известия о сближении неприятельских колонн, двигавшихся, по распоряжению маршала Ожеро, с различных сторон к Лиону, — то граф Бубна, не отваживаясь вступить в многолюдный город, коего жители могли принять участие в действиях, отвел свои войска 9 (21) к Макону, Бургу (Bourg-en-Bresse) и за реку Эн (Ain) и обратил все свое внимание исключительно на приведение в оборонительное состояние Женевы⁹.

Второй же австрийский корпус, принца Алоизия Лихтенштейна, по достижении Понтарлье двинулся к Безансону для совокупного действия с 2-й легкой дивизией принца Морица Лихтенштейна и с резервами наследного принца Гессен-Гомбургского против сей крепости. Союзники надеялись, что нечаянное появление значительных сил под стенами Безансона побудит коменданта к сдаче, но, не успев в своем покушении, оставили корпус Алоизия Лихтенштейна для блокады Безансона, а бригаду Шейтера под замком Сент-Андре близ Салена (Salins)¹⁰.

Наступление третьей колонны наследного принца Гессен-Гомбургского от Лауфенбурга и Шафгаузена к Безансону, потом к Дижону и четвертой колонны графа Коллоредо от Лауфенбурга к Дижону и далее к Шатильон-сюр-Сен.

По переправе через Рейн 2-й легкой дивизии принца Морица Лихтенштейна у Лауфенбурга и австрийских резервов у Шафгаузена войска эти, состоявшие под общим начальством принца Гессен-Гомбургского, двинулись, за исключением дивизии Бианки, на Аарбург, Берн и Невшатель, к Безансону. Когда же оказалось, что этой крепостью нельзя было овладеть так легко, как предполагали союзники, тогда наследный принц Гессен-Гомбургский, оставя бригады Кобурга и Бека, 2-го австрийского корпуса и гренадерскую бригаду Вейгеля (Weigel) с кирасирским полком эрцгерцога Франца под общим начальством принца Алоизия Лихтенштейна у Безансона, двинулся 30 декабря (11 января) влево от этой крепости на Доль и прика-

зал стоявшему близ Сален генералу Шейтеру обложить Оксонн (Auxonne); для содействия же ему были отряжены из резерва гренадерский батальон Бергера и кирасирские полки герцога Альберта и наследного принца. Остальные войска резерва и 2-я легкая дивизия, выступив от Доля на Грай^(Gray), прибыли 7(19) января в Дижон, куда в то же время подошел от Невшателя и 1-й австрийский корпус графа Коллоредо. За тем последовало предписание князя Шварценберга, заключавшее в себе следующие распоряжения: 1) фельдмаршал-лейтенанту барону Вимпфену с его дивизией (1-го корпуса), гренадерским батальоном Бергера и кирасирами Альберта и кронпринца (резервного корпуса) обложить Оксонн; 2) генералу Фюрстенветеру с гренадерскими батальонами Черноцкого и Оклопсия и Лотарингским полком занять Дижон; 3) остальным дивизиям 1-го корпуса (графа Гардегга и принца Вид-Рункеля), резерва (гренадерской Гогенлоэ¹⁸ и кирасирской Ностица) и 2-й легкой дивизии Морица Лихтенштейна под общим начальством графа Коллоредо выступить 13 (25) января из Дижона к Шатильону-на-Сене¹⁹, где и примкнуть к левому крылу армии; 4) наследному принцу Гомбургскому поручено командование всеми войсками, оставленными между Саоной и Дубсом¹¹. Бригада же Шейтера, по смене ее под Оксонном войсками Вимпфена, 18 (30) января была послана чрез Бон (Beaune) к Шалону-на-Саоне для подавления народных вооружений, возбужденных в окрестностях этого города генералом Леграном¹².

Наступление пятой колонны графа Гиулая от Базеля через Солотурн к Билю и потом на Везуль к Лангру.

3-й австрийский корпус графа Гиулая и гренадерская дивизия Бианки, переправясь у Базеля (по другим сведениям – у Лауфенбурга), двинулись в голове корпусов, направленных по главному пути действий. Корпус Гиулая сперва шел на Солотурн к Билю (Biel), а потом повернул вправо на Порентрюю (Brundrutt) и Монбельяр (Mompelgard) к Везулю, куда прибыл 26 декабря (7 января). Два дня спустя авангард его под начальством генерала Гехта (Hecht) появился под Лангром, но, будучи встречен превосходными силами пешей и конной гвардии Наполеона, отошел и занял позицию вблизи города у Шатене и Монлодона (Montlaudon). Маршал Мортье, возвратясь с дивизией Фриана из Бельгии в Лангр, оттеснил 2 (14) января передовые посты австрийского отряда, но не отважился отдалиться от Лангра. Со своей стороны, Гиулай, сосредоточив большую часть своих сил, атаковал неприятеля 5 (17) января. Как в то же самое время корпус наследного принца Виртембергского, угрожая обходом с левого фланга маршалу Мортье, мог отрезать его от прочих французских войск, то неприятель не отважился оставаться долее в Лангре и отошел к Шомону. Гиулай, заметив отступление французов, занял Лангр и захватил там несколько сот пленных и двенадцать орудий. Два дня спустя Мортье, угрожаясь одновременно наступлением Гиулая, наследного принца Виртембергского и Вреде, сосредоточенных между Лангром и Нешато, отступил к Бар-сюр-Об и, получив подкрепления, занял позицию впереди сего города. В тот же день, 7 (19) января, корпус Гиулая расположился у Шомона, а прибывшая к нему в помощь русская 3-я кирасирская дивизия встала между Шомоном и Лангром, у Роланпона.

Фельдмаршал-лейтенант Бианки, переправясь чрез Рейн, немедленно обратился к Бельфору и содействовал баварскому корпусу в обложении этой крепости, а потом, 28 декабря (9 января), получил приказание идти на усиление 3-го австрийского корпуса в Везуль и далее к Лангру, куда прибыл 6 (18) января¹³.

¹⁸ Бывшей Траутенберга, умершего от горячки в Швейцарии.

¹⁹ 2-я легкая дивизия по достижении Шатильон-сюр-Сен была отряжена на Тоннер к Оксерр (Auxerre) для временного обложения этой крепости.

Наступление шестой колонны (австро-баварского корпуса) графа Вреде от Базеля на Сен-Дией к Нешато (Neufchateau).

Эта колонна, состоявшая из баварского корпуса, австрийской дивизии генерала от кавалерии Фримона и австрийского же партизанского отряда полковника Шейблера, усиленного двумя казачьими полками, перешла через Рейн в Базеле 10 (22) декабря. Граф Вреде тогда же обложил крепость Гюнинген с правой стороны реки войсками вюрцбургского контингента, а с левой – шестью батальонами дивизии Беккера. (Прочие войска этой дивизии заняли Базель.) Дивизия Деламотта была направлена к Порентрюи, дивизия Рехберга к Бельфору, отряд Шейблера, а за ним войска Фримона – к Кольмару. В тот же день Вреде, обзрев укрепления Гюнингена, назначил пункты для заложения батарей и ускорил переправу баварского осадного парка¹⁴. Гарнизон, состоявший из 3 000 человек под начальством генерала Пино (Pinou), оборонялся упорно. Генерал Рехберг, обложив 12 (24) декабря крепостцу Бельфор, занятую также 3 000 человек, потребовал сдачи, но комендант полковник Легран (Legrand), отказав в том, сделал 16 (28) декабря сильную вылазку, которая, однако же, была отражена с уроном. Вслед за тем большая часть дивизии Деламотта направилась к Бельфору, между тем как генерал Деруа с тремя батальонами и несколькими эскадронами занял без сопротивления Порентрюи и 13 (25) декабря овладел фортом Бламон с тринадцатью орудиями и довольно значительными военными запасами.

В ожидании успеха осад Гюнингена и Бельфора граф Вреде расположил для прикрытия блокадных отрядов дивизию Фримона у Мюльгаузена и потом выдвинул ее по дороге к Кольмару. Находившийся в авангарде отряд Шейблера был атакован у Сен-Круа 12 (24) декабря генералом графом Мильго (Milhaud) с драгунской дивизией Колларта (Collaert) и опрокинут с уроном; в числе убитых был казачий полковник Ельмурзин, а в числе раненых сам Шейблер¹⁵.

Переправа корпуса кронпринца Виртембергского и прибытие к Бельфору дивизии Бианки, обложившей эту крепость, способствовали графу Вреде продолжать наступление. Оставя бригаду Цоллерна под Гюнингеном, он выступил 21 декабря (2 января н. ст. 1814 года) с остальными войсками к Кольмару, откуда на следующий день генерал Мильго, после стычки с авангардом дивизии Фримона, отступил на Сент-Мари-о-Мин (S-te-Marie-aux-mines). Маршал Виктор получил от Наполеона приказание оборонять проходы через Вогезы, но хотя его корпус в декабре был усилен семнадцатью или восемнадцатью тысячами рекрутов, однако же, будучи принужден усилить гарнизоны Ландау, Страсбурга, Шлетштадта, Бризаха, Гюнингена и Бельфора¹⁶, считал в рядах своих, как и прежде, не более 9 000 человек. Опасаясь быть отброшенным к Страсбургу, он приказал кавалерии Мильго и своей пехоте отступать на Мольсгейм к Саверне (Zabern), где он хотел собрать весь свой корпус и удержать наступление союзников в ожидании соединения с корпусом Мармона. Но когда Силезская армия, достигнув реки Саары, разобщила французские корпуса, оборонявшие верхний и средний Рейн, и в то же время Вреде заставил Мильго вместо движения на Шлетштадт обратиться к Сент-Мари-о-Мин, тогда Виктор, уже не надеясь сосредоточить силы у Саверны, оставил там для наблюдения за корпусом графа Витгенштейна и для снабжения провиантом Пфальцбурга только два полка почетной гвардии (gardes d'honneur), а с прочими войсками отошел на Мюциг к Бакарату (Bassarat), где он предполагал присоединить к своей пехоте кавалерию Мильго.

Отступление Виктора расстроило общий план постепенной обороны, предположенной Наполеоном; союзники получили возможность беспрепятственно дебушировать в долину Мозеля. Император французов, выразив маршалу свое неудовольствие, приказал Фриану с Старой гвардией перейти от Намюра к Реймсу и потом к Лангру, а герцогу Вальми (Келлерману) поспешно выслать к Нанси 1-ю дивизию легкой пехоты (voltigeurs) в числе 5 200 человек, тогда формировавшуюся в Саарлуи, которая вместе с 400 всадниками, прибывшими из главного ремонтного депо, и двумя батареями составила особый корпус под начальством Нея¹⁷.

По обложении Шлетштадта, Ней-Бризаха и Гюнингена войсками 2-й баварской дивизии генерала Бекгера граф Вреде, получив 28 декабря (9 января н. ст. 1814 года) от князя Шварценберга предписание идти к Лангру, немедленно выступил с остальными силами корпуса на Сент-Мари-о-Мин. Виктор, со своей стороны, желая отгеснить союзников, двинулся вперед тремя колоннами по направлениям на Эпиналь, Рембервиллер и Сен-Дией (Dieu). Последняя колонна, состоявшая из пехотной дивизии Дюгема (Duhesme) и драгунов генерала Леритье (L'Heritier), встретила 29 декабря (10 января) с войсками бригады Деруа; сначала авангард баварцев был отгеснен от Сен-Дией к Сент-Маргарит, но потом, получив подкрепление, овладел местечком Сен-Дией и опрокинул французов за Мерту (Meurthe). Генерал Дюгем, потеряв множество убитыми и ранеными и более 200 человек пленными, отступил к Рембервиллеру. Со стороны баварцев убиты: один штаб-офицер и 11 нижних чинов; ранены: генерал Деруа, майор Пфеттен (смертельно), три обер-офицера и 76 нижних чинов¹⁸.

Полковник Трейбер, приняв начальство над бригадой Деруа, выдвинул передовые посты по дорогам, ведущим к Раон л'Этап и Брюйер. 1 (13) января граф Вреде с главными силами корпуса расположился в Сен-Дией. Как еще за два дня до того наследный принц Виртембергский разбил неприятеля при Эпинале, то французы, очистив Люневиль и Нанси 2-го (14-го), отступили за реку Мозель к Туль. Передовые отряды баварского корпуса, высланные к Нанси и Люневиллю, донесли, что жители везде встречали союзников с радостью и что все покушения вооружить их оставались напрасны. Но Вреде не последовал за своим авангардом к Нанси, потому что князь Шварценберг, узнав о движении Силезской армии по направлению к этому городу, предписал баварскому корпусу повернуть к Нешато (Neufchateau). 4 (16) января граф Вреде, выступив из Сен-Дией, на следующий день открыл сообщение с Блюхером, а 7-го (19-го), прибыв в Нешато, стал с дивизиями Рехберга и Деламотта на правом крыле Главной армии; австрийская дивизия Фримона, расположенная у Коломбей-ле-Бель-Фам, сохраняла связь баварского корпуса с Силезской армией¹⁹.

Наступление седьмой колонны принца Виртембергского от Меркта (Markt), близ Гюнингена, на Энсизгейм, Ремиремон и Эпиналь, к Лангру.

Наследный принц Виртембергский, переправясь через Рейн, как выше сказано, 19 (31) декабря у Меркта по мосту на судах, двинулся для поддержания баварского корпуса к Энсизгейму, откуда спустился вниз по Рейну двумя колоннами к Дессенгейму и Сен-Круа (St. Croix). Вслед за тем виртембергские войска обложили 23 декабря (4 января н. ст.) Ней-Бризах, но когда несколько дней спустя наследный принц получил от князя Шварценберга предписание идти чрез Ремиремон (Reimersberg) на соединение с главными силами армии, тогда блокада Бризаха была поручена баварским войскам, а виртембергский корпус выступил по указанному направлению. 28 декабря (9 января н. ст.) авангард его достиг Ремиремона, откуда должен был направиться на Пломбьер (Plombières) к Вовиллер (Vauvillers). Но как при таком движении оставался в стороне Эпиналь, где пролегла одна из удобнейших дорог чрез Вогезы, а между тем пришло известие от графа Платова о перехваченной депеше маршала Виктора к генералу Кассаню (Cassagne), из коей обнаружилось движение одной из французских колонн на Эпиналь, то кронпринц решился уклониться от данного ему маршрута и повернуть на Эпиналь, чтобы вытеснить оттуда неприятеля.

Дорога от Ремиремона к Эпиналю пролегает по долине Мозеля, стесненной с обеих сторон скалистыми горами, поросшими лесом; в соседстве же Эпиналя долина реки несколько расширяется. Город окружен господствующими над ним значительными высотами. Маршал Ней, находившийся в Нанси, узнав, что в Эпинале появились казаки, послал туда бригаду Руссо и 300 человек кавалерии под начальством генерала Дювиньо (Duvigneau), приказав им занять город, что и было исполнено. Но когда подошел к Эпиналю авангард виртембергского корпуса, усилившийся тремя казачьими полками под начальством генерал-майора Грекова

8-го, тогда неприятель был отгеснен 29 декабря (10 января н. ст.) к Шарму. Маршал Виктор, уже отступивший к Раону, решась сделать последнее усилие, чтобы остановить союзников, двинул вперед свои войска, как уже сказано, тремя колоннами: дивизию Дюгема с драгунами л'Эритье (L'Heritier) к Сен-Дией, драгунов Бриша к Рембервиллеру, а генерала Кассаня (Cassagne), с его бригадой и 300 человек кавалерии, к Эпиналю. Последняя колонна заняла город, но вслед за тем наследный принц Виртембергский 30 декабря (11 января) повел общее наступление: правая колонна под начальством генерала Штокмайера двинулась по правой стороне Мозеля к Эпинальскому лесу; средняя, фельдцейгмейстера графа Франкемона, по левому берегу Мозеля, а левая, генерала Йета (Iett), на селенье Ксертиньи (Xertigny). Генерал-майор Греков со своим казачьим отрядом по распоряжению Платова был направлен на дорогу, ведущую из Эпиналя в Шарм, для действия в тыл неприятелю²⁰. Генералу Дерингу (Dering) с 2-м пехотным полком, посланному по правому берегу Мозеля, поручено сохранять связь между правой и средней колоннами.

Генерал Деринг, подойдя к городу по оврагу между древним замком и высотой, влево от него лежащей, завязал с неприятелем упорное дело и на плечах его ворвался в ближайшую улицу. Как, по всей вероятности, французы тогда уже получили сведение о наступлении к городу значительных союзных сил, то, не решаясь долее удерживаться в своей позиции, стали поспешно отступать к Шарму. Генерал Греков 8-й, успевший занять селение Таон (Thaon) в тылу неприятеля, опрокинул французскую кавалерию и захватил в плен шесть офицеров и множество нижних чинов. Неприятельская пехота проложила себе оружием путь отступления к Шарму, но артиллерия виртембергского корпуса и отряда Кайсарова, направляясь по боковым дорогам, провожала французов выстрелами до самой ночи и устлала телами их все пространство от Таона до Иней (Igney); число пленных, захваченных союзниками, простиралось до пятисот; собственная же потеря их была незначительна²¹.

По занятии Эпиналя наследный принц Виртембергский, предоставив баварскому корпусу графа Вреде сохранение связи между Главной и Силезской армиями, продолжал двигаться по прежнему направлению. 1 (13) января виртембергский корпус прибыл в Бен (Bains), 2-го (14-го) в Вовиллер, два дня спустя в окрестности Бурбонн-ле-Бен, а 5-го (17-го) в Монтиниле-Руа (Montigny-le-Roi). Таким образом, было совершено соединение его с главными силами князя Шварценберга, тогда стоявшими между Лангром и рекой Саоной²².

Наступление восьмой колонны графа Витгенштейн, от Фор-Луи на Гагенау и Саверну, к Нанси.

Выше уже сказано, что графу Витгенштейну было поручено обложить Кель, наблюдать берега Рейна от устья реки Неккара до Бурггейма (Burgheim) близ Альт-Бризаха, сохраняя связь с одной стороны с армией Блюхера, а с другой – с корпусом Вреде, и навести мост на Рейне против Зельца, для чего откомандирована к нему австрийская 10-я понтонная рота. Граф Витгенштейн, прибыв со своей главной квартирой в Офенбург 10 (22) декабря, сделал следующие распоряжения: 1-й пехотный корпус князя Горчакова занял тесные квартиры в окрестностях Офенбурга; 2-й пехотный корпус принца Евгения Виртембергского с полками Лубенским гусарским и казачьим Иловайского 12-го обложил Кельское мостовое прикрытие; для наблюдения за берегами Рейна на пространстве от Мангейма до Келя расставлены казачьи полки Власова и Ярославский под начальством 4-го класса графа Мусина-Пушкина, и для поддержания его расположен в Раштадте Гродненский гусарский полк; пространство же от Келя до Альт-Бризаха наблюдал полковник князь Любомирский с казачьим Чернушкина полком, поддержанным ольвиопольскими гусарами, стоявшими в Эттенгейме; генерал-майор Сеславин с тремя эскадронами сумских гусар и с казачьим Ребрикова полком отправлен для разведывания о неприятеле на левую сторону Рейна. Таким образом, граф Витгенштейн с двадцатью

тысячами человек, в числе коих до 1 200 прибывших из резервной армии не имели ружей, должен был наблюдать течение Рейна на протяжении 25 миль (175 верст), где неприятель мог дебушировать из Мангейма, Фор-Луи и Келя²³.

Князь Шварценберг предполагал, чтобы войска Витгенштейна устроили переправу через Рейн у Плиттерсдорфа, против Зельца, но граф Витгенштейн, найдя там местность неудобной для построения моста, предпочел переправиться у Фор-Луи. Деревня Селлинген (Sollingen), лежащая на правой стороне Рейна, соединяется плотиной с островом, на котором построен Фор-Луи (прежде Фор-Вобан), укрепление, отчасти разрушенное в эпоху революционных войн. Этот остров соединен другой гатью с островом Газен-Копф (Hasenkopf), далее же, на левом берегу Рейна, находился прямо против Фор-Луи горнверк Эльзас (fort Екасе). Граф Витгенштейн, узнав, что эти укрепления находились в довольно хорошем состоянии, но что неприятель не обратил должного внимания на их оборону, решился навести там мост, чтобы одновременно с переправой овладев фортами, приобрести опорный пункт для дальнейших действий.

4-я дивизия генерала Пышницкого, стоявшая у Бишофсгейма, была стянута к Раштадту, а кавалерия генерал-лейтенанта графа Палена к Штольгофену. Предполагалось устроить мост с 20 на 21 декабря (с 1 на 2 января н. ст. 1814 года) и на следующий день перевести всю 4-ю дивизию на левую сторону Рейна, но это не удалось, потому что ни одного из понтонов, на кои были посажены егеря 4-го полка, не могли причалить к острову Фор-Луи; некоторые из них были снесены вниз быстрым течением к Нейгейзельской косе на левом берегу реки, а другие, в темноте сбившись с надлежащего направления, возвратились к правому берегу. Но в следующую же ночь русские егеря переправились на ближайший остров, обратили в бегство занимавшие его французские посты и овладели укреплениями Фор-Луи и Фор-Эльзас. Все эти успехи были одержаны с потерей не более 40 человек. Затем, наведя понтонные мосты на обоих рукавах Рейна, граф Витгенштейн перевел через реку сперва два казачьих полка, потом 4-ю пехотную дивизию и кавалерию графа Палена. 22 декабря было совершено на левом берегу Рейна торжественное благодарственное молебствие Богу, приведшему русские знамена на Рейн, в собственные пределы Франции. Храбрый Пален со своей кавалерией²⁴, усиленной 2-м баденским драгунским и двумя казачьими полками, немедленно двинулся через Гагенау (Hagenau) по направлению к Саверне, на дорогу из Страсбурга в Париж. Князю Горчакову, с 1-м пехотным корпусом, полками Лубенским гусарским и казачьим Иловайского 12-го и шестью орудиями 23-й конной роты, была поручена блокада Келя. 4-я пехотная дивизия и 1-й баденский драгунский полк расположились в Фор-Луи и впереди этого пункта, у Решвега и Друзенгейма, а 3-я пехотная дивизия у Лихтенау, чтобы служить резервом как войскам, переправившимся за Рейн, так и блокадному корпусу князя Горчакова²⁵. Жители зарейнской страны не были нисколько уstraшены появлением союзников; при вступлении войск графа Палена в Гагенау все лавки были открыты, а граждане продолжали свои обычные занятия. Но вслед за тем их весьма встревожило требование, чтобы все чиновники местного управления присягнули по форме, присланной из главной квартиры князя Шварценберга²⁶. Это распоряжение, сделанное без ведома императора Александра, было отменено; тем не менее, однако же, оно, вместе с беспорядками, неизбежными при вторжении в неприятельскую страну разноплеменных войск, подало повод жителям к неудовольствию против союзников и способствовало Наполеону возбудить восстание в восточных департаментах Франции.

По занятии войсками графа Палена Саверны 26 декабря (7 января н. ст. 1814 года) были посланы отряды по дорогам к Пфальцбургу, Васселону и Гохфельдену; 4-я пехотная дивизия, за исключением двух егерских полков, поступивших в авангард Палена, расположилась в Гагенау, 3-я пехотная дивизия в Фор-Луи, один из баденских пехотных полков – у Лихтенау, в резерве. Вслед за тем войска графа Витгенштейна приступили к бомбардированию Пфальц-

бурга и к обложению Ландау и горных фортов Альзаций. Когда же прочие корпуса Главной союзной армии двинулись к Мозелю и Маасу, князь Шварценберг предписал Витгенштейну оставить для обложения помянутых крепостей только необходимое число войск, а с остальными идти к Маасу, на правом крыле Главной армии. Граф Витгенштейн поручил блокаду Страсбурга и Келя баденским войскам графа Гохберга, оставив при них на время 5-ю пехотную дивизию генерала Мезенцова; князь Горчаков с частью 14-й дивизии обложил крепости: Ландау, Бич, Лихтемберг, Люцельштейн (Petite-pierre) и Пфальцбург. Граф Пален со своей кавалерией и с егерской бригадой полковника Степанова²⁰ немедленно двинулся по дороге к Нанси; в авангарде его шел партизанский отряд генерал-майора Сеславина; принц Евгений Виртембергский с дивизией Мышницкого, достигнув Саверны 5 (17) января, оставался там до 9-го (21-го), а граф Витгенштейн, с одной из бригад Гельфрейха, Ингерманландским драгунским полком и 6-й легкой артиллерийской ротой 1-го пехотного корпуса, также остановился в Гагенау. Войска его корпуса выступили из Саверны вслед за авангардом тремя эшелонами: сперва 9 (21) января принц Виртембергский с 2-м корпусом, 10-го (22-го) главная квартира графа Витгенштейна с казачьим полком Иловайского 12-го и с отрядом генерал-майора Ридигера²¹, а на следующий день генерал-майор Гельфрейх с двумя полками его дивизии, Ингерманландским драгунским полком, шестью орудиями конной № 23 и шестью легкой № 27 роты. Таким образом, генерал-лейтенант граф Пален с авангардом отделился от ближайшего к нему эшелона войск витгенштейновых на несколько переходов²⁷.

Наступление девятой колонны (российско-прусских резервов) от Базеля к Лангру.

В самый день русского Нового года, 1 (13) января 1814 года, перешли через Рейн по каменному мосту в Базеле российско-прусские резервы. Император Александр, выехав 26 декабря (7 января н. ст.) из Фрейбурга в Шафгаузен, прибыл оттуда 30 декабря (11 января н. ст.) в Леррах и на следующий день в Базель, где оставался до 4 (16) января. Император австрийский переехал из Фрейбурга в Базель, а король прусский – в Леррах 31 декабря (12 января).

В продолжение пребывания императора Александра в Базеле, прибыла к нему депутация венского магистрата с изъявлением «чувств благодарности, удивления и уважения к августейшему союзнику их государя жителей столицы Австрийской империи». Император Александр, приняв весьма благосклонно депутатов, отвечал на их приветствие следующим образом: «Господа депутаты города Вены! Мне весьма приятны ваши поздравления. Провидение доставило нашему оружию большие успехи. Нам остается совершить еще многое. Но залогом счастливой будущности служит самое наше единодушие, восторжествовавшее над всеми препятствиями. Ни время, ни обстоятельства не в силах поколебать союз мой с вашим государем, и если по окончании великой борьбы, предпринятой на пользу общую, судьба приведет меня в вашу столицу, то сочту прекраснейшим для себя зрелищем изъявления общего восторга при встрече обожаемого вами государя, моего друга и сподвижника. Я буду восхищаться вдвойне согласием моих непоколебимых политических правил с задушевными чувствами моего сердца. Прошу вас, господа, передать эти уверения вашим согражданам и выразить мое постоянное желание благополучия жителям Вены»²⁸.

Как австрийская дивизия генерала Бианки, обложившая Бельфор, была назначена идти к Везуль, в подкрепление 3-му корпусу графа Гиулая, то князь Шварценберг предписал Баркляю-де-Толли сменить эту дивизию войсками из русских резервов. Обложение Бельфора было

²⁰ 4-й и 34-й егерские полки.

²¹ Гродненский гусарский полк, батальон Селенгинского полка, два орудия конной роты № 23, половина казачьего Власова полка.

поручено генерал-лейтенанту Чоглокову с тремя полками 1-й гренадерской дивизии²², одной легкой артиллерийской ротой и одним казачьим полком. Тогда же, по требованию Шварценберга, 3-я кирасирская дивизия генерал-лейтенанта Дуки с одним казачьим полком была послана в подкрепление дивизии Кренневилля, двигавшейся в голове австрийского корпуса Гиулая, и соединилась с сим корпусом 4 (16) января у Файль-Бильо (Fayl-Billot), к югу от Лангра. Графу Платову, у коего, за раскомандированием казачьего отряда, оставалось пять полков в числе около 2 000 человек, приказано идти от Эпиналя на Мирекур и Нешато, сохраняя связь между Главной и Силезской армиями. Все же прочие российско-пруссские резервы, обойдя Бельфор, сосредоточились к 5 (17) января в окрестностях Везуля, куда двинулись также и войска генерала Чоглокова, сдав блокаду Бельфора австрийской бригаде генерала Шефера (Schafer)²³. Главная квартира Барклая-де-Толли, остававшаяся с 3 (15) января в Люре, была переведена 5-го (17-го) в Пор-сюр-Саон (Port sur Saône), а 9-го (21-го) в Лангр²⁹.

Наступление передовых корпусов Главной союзной армии к Лангрю и далее к Бар-сюр-Об.

В тот самый день, когда российско-пруссские резервы собирались в окрестностях Везуля, 5 (17) января, небольшой французский арьергард, оставленный маршалом Мортье в Лангре, был атакован, как уже сказано, войсками графа Гиулая и захвачен со всеми находившимися при нем двенадцатью орудиями. В это время Виктор уже отступил за Мозель, на соединение с корпусами Нея и Мармона, и против передовых войск Главной союзной армии оставался только слабый корпус Мортье. Князь Шварценберг, успев между тем собрать у Лангра и Нешато три союзных корпуса, направил их 7 (19) января с различных сторон против маршала, который мог противопоставить ему только две дивизии, одну пехотную и другую кавалерийскую. Корпус Гиулая с 3-й русской кирасирской дивизией двинулся по прямой дороге от Лангра к Шомону, наследный принц Виртембергский на Бурбонн и Монтины, а Вреде от Нешато в обход неприятеля. Мортье, занимавший позицию впереди Шомона, не осмеливаясь выждать сближение союзников, оставил позицию и самый город и отступил к Бар-сюр-Об (Bar-sur-Aube). Там присоединилась к нему дивизия Мишеля; таким образом сосредоточив 8 000 человек пехоты и 2 100 человек кавалерии отборного войска, Мортье решился дать отпор союзникам и с этой целью выслал к Коломбе-ле-дез-Эглиз генерала Летора с 2 400 человек. Шварценберг не только не тревожил неприятеля при отступлении его к Бару, но остановился на несколько дней в Лангре, чтобы выждать прибытие корпуса графа Витгенштейна. Корпус принца Виртембергского занял Шомон, корпус Гиулая расположился между сим городом и Лангром, граф Вреде двинулся от Нешато к Клефмону, корпус графа Коллоредо и австрийский резерв прибыли в Дижон; летучие отряды графа Платова и генерал-майора князя Щербатова были направлены через Жуанвиль и Бар-сюр-Сен к Оксерр (Auxerre) для прикрытия армии с левого фланга и для набегов к Сан (Sens) и Фонтенбло.

Передовые корпуса Главной армии оставались в занятом ими расположении до 11 (23) января, с той целью, чтобы дать этим войскам необходимый отдых после переходов, совершенных в ненастное время по дурным дорогам, преимущественно же, чтобы выждать, пока сблизятся корпус Витгенштейна и блохерова армия. Российско-пруссские резервы, перейдя 10 (22) января в окрестности Лангра, оставались там включительно до 16-го (28-го). Император Александр, выехав из Базеля 4-го (16-го), прибыл к Монбельяр 5-го (17-го), в Везуль 7-го (19-го), в Файль-Бильо 9-го (21-го) и в Лангр 11 (23) января. Король прусский, оставя Базель 8-го (20-го), приехал в Везуль на следующий день и в Лангр 13-го (25-го), а император австрийский, отправясь из Базеля 10-го (22-го), прибыл в Везуль 11-го (23-го) и в Лангр 14 (26) января.

²² Санкт-Петербургский, Таврический и Перновский полки.

²³ Эта бригада находилась в 6-м германском корпусе, сперва под начальством Менери, а потом Шефера.

В продолжение пятидневного бездействия союзников Мортье, присоединив к своим войскам дивизию Христиани и некоторые другие подкрепления, сосредоточил в окрестностях Бар-сюр-Об около 16 000 человек с 50 орудиями. Авангард его под начальством Летора, в составе четырех батальонов и четырех эскадронов с шестью орудиями, по-прежнему, стоял у Коломбеле-дез-Эглиз. Предвидя нападение по обе стороны Обе, маршал расположил часть своего корпуса, для поддержания авангарда, по правую сторону Обе, на высотах, за одним из притоков сей реки, а деревню Фонтен (Fontaine), по левую сторону Обе, занял войсками дивизии Мишеля.

12 (24) января союзники двинулись против неприятеля по обе стороны Обе: наследный принц Виртембергский повел фальшивую атаку на Коломбей, а Гиулай направился на Лаферте-сюр-Об по левую сторону реки, к селению Фонтен. Авангард Летора был принужден отступить на Линьоль к Рувре (Rouvè), где и присоединился к дивизии Фриана, стоявшей на левом крыле корпуса Мортье; наследный принц последовал за ним, но был отражен огнем 20-пушечной французской батареи. Одновременно с наступлением принца Гиулай в 11 часов утра повел атаку на селение Фонтен. Французы встретили его сильной канонадой батареями с правого берега Обе и нанесли австрийским войскам значительный урон. Генерал Мишель, заметя расстройство наступавших колонн, перевел свою первую бригаду, стоявшую на правом крыле, через реку по каменному мосту и атаковал стремительно австрийцев. Но храбрые полки Игнатия Гиулая и Мариасси в голове гиулаевых войск, поддержанные еще четырьмя полками, из коих два ударили неприятелю во фланг, опрокинули французов за Обе. Сражение продолжалось с полудня до шести часов вечера. Неприятель, несмотря на усилия союзников овладеть мостом у Фонтен, удержался в позиции, занятой им у Бар-сюр-Об, но не отважился остаться на ней и отошел в ночи к Вандевр и далее к Труа, оставив арьергард у Маньи-ле-Фуше (Magny-le-Foucher). На следующий день, 13 (25) января, корпус Гиулая занял Бар-сюр-Об, а принц Виртембергский расположился у Коломбей. Урон каждой из сторон в делах при Коломбей и Бар-сюр-Об простирался до 2 000 человек³⁰.

В конце 1813 года, когда союзники, достигнув берегов Рейна, оставались в бездействии, главная квартира Силезской армии представляла зрелище воинственного настроения; сам Блюхер в челе партии, жаждавшей продолжения борьбы за независимость Европы, не скрывал своих убеждений: по его мнению, следовало неотлагательно перейти через Рейн, вторгнуться в пределы Франции и устремиться к Парижу. Многие считали такую цель действий недостижимой, полагая, что вступление союзников во Францию могло побудить ее жителей к поголовному вооружению. Наследный шведский принц, австрийские дипломаты и другие влиятельные лица советовали оставаться на зимних квартирах в долине Рейна и выждать последствия переговоров, открытых с французским правительством. «Зачем, – говорили они, – предоставлять на волю слепого случая судьбу Европы в такое время, когда одержанные успехи подают верную надежду заключить выгодный мир?» Но к счастью народов, стонавших многие годы под игом завоевателя, союзные монархи император Александр и король Фридрих-Вильгельм думали иначе. Они были готовы на мир, но не иначе, как обеспечив свободу и благоденствие Европы, и хотя не отказывались от конгресса для совещания об условиях мира, однако же не хотели прекращать военных действий. Самое развитие в огромном размере вооруженных сил коалиции не позволяло союзникам долее оставаться в бездействии. Продовольствие армий, расположенных вдоль течения Рейна, требовало несметного количества припасов и с каждым днем соделывалось более и более затруднительным. Известие о значительных вооружениях, принятых Наполеоном, рассеяло надежды на мир и ускорило вторжение во Францию. Положено было: одновременно с наступлением Главной армии со стороны Швейцарии чрез Лангр корпусам Бюлова и Винцингероде двинуться с нижнего Рейна, а Блюхеру с бывшей Силезской армией, усиленной впоследствии прусским корпусом Клейста, действовать в промежутке между Главной армией и корпусами Северной, находившимися в Нидерландах. Император Александр, по соглашению с императором австрийским, королем прусским и князем Швар-

ценбергом, предоставил Блюхеру, оставив часть войск для обложения Майнца, двинуться от Каубе на Трир, Саарлуи и далее влево от Меца либо переправиться через Рейн выше Майнца и действовать чрез Кайзерслаутерн и Сааргемин, стараясь, во всяком случае, сохранять связь с Главной армией³¹.

Силезской армии предстояло преодолеть чрезвычайные затруднения: на среднем Рейне неприятель мог собрать наиболее войск и, отступив внутрь страны, удерживаться за рекой Мозелем, между крепостями Мецем, Тионвилем, Люксембургом, Лонгви и Вердюном. И потому наступление по пути действий, предоставленному блюхеровой армии, могло быть успешно только в таком случае, если б неприятель, не ожидая его, был отвлечен к верхнему Рейну. С этой целью Блюхер, имея в виду затаить свои намерения под покровом обычной ему откровенности, не переставал в кругу близких к нему лиц жаловаться на невольное бездействие свое в Гехсте, а потом, как будто примирясь с своей участью, выказывал совершенную беззаботность, и даже 4 (16) декабря, в годовщину своего рождения, когда ему минул 71 год, бодро танцевал на бале, данном в Висбадене офицерами йоркова корпуса. Пока еще не был решен поход во Францию, он отклонял приглашения жителей Франкфурта перенести главную квартиру Силезской армии в их город, говоря, что «не хочет отдыха». Но 13 (25) декабря он переехал во Франкфурт, объясняя передвижение своей главной квартиры тем, что «уж если пришлось отдыхать на зимних квартирах, то он отдохнет во Франкфурте» (*da er nun doch einmal den Winter auf der Barenhaut liegen müsse, so solle es in Frankfurt geschehen*). Тогда же, по распоряжению генерал-кригс-комиссара Силезской армии, были созваны депутаты прирейнских областей, для совещания о расположении войск на зимних квартирах и о поставке для них жизненных припасов. Многие французские чиновники, съехавшиеся из различных германских владений во Франкфурт и задержанные там, были отпущены в Майнц, что послужило к распространению слухов о бездействии Блюхера. А между тем в глубочайшей тайне делались приготовления к переправе армии в ночь на Новый год на трех пунктах, а именно: у Мангейма, Каубе и Кобленца. В одном из писем Блюхера на родину, от 29 декабря н. ст., находим: «*Nach Frankreich gehe ich von hier, und den ersten Januar mit Tagesanbruch passire ich mit der ganzen Armee den Rhein; zuvor aber will ich mit meinen Waffenbrüdern in diesem stolzen Strome alle Knetschaft abwaschen, und als freie Deutsche wollen wir der grosser Nation, die jetzt die fromme geworden ist, Gebiet betreten. Als Sieger, aber nicht besiegt, kehren wir zurück, und wenn der ehrenvolle Frieden erkämpft ist, dann soll unser Vaterland uns dankbar empfangen. Wie wohl wird es uns thun, bei der Rückkehr, von Gattinnen, Vatern, Müttern, Kindern, Schwestern und Brüdern mit Freudenthränen empfangen zu werden*» («На рассвете 1 января перехожу со всей армией через Рейн, но прежде хочу с моими сослуживцами смыть дочиста рабство в этой гордой реке, и тогда, как свободные германцы, вступим во владения Великой нации, ныне присмившей. Мы возвратимся победителями, а не побежденными, и когда завоюем славный мир, тогда Отечество нас встретит с благодарностью. Какое счастье может сравниться с нашим, когда отцы, матери, жены, дети и сестры обнимут нас с слезами радости»).

В конце декабря н. ст., в то время, когда, по-видимому, все внимание Блюхера было обращено на удобное занятие зимних квартир, войска его двинулись к пунктам, избранным для переправы через Рейн: корпус Сакена к Мангейму, войска графа Сен-Приеста (ланжеронова корпуса) к Кобленцу, а сам Блюхер, с корпусом Йорка и с остальными войсками графа Ланжерона, к Каубе³².

Для переправы корпуса Сакена был избран пункт при устье реки Неккара, по которой можно было удобно сплавить суда и понтоны. Против этого пункта французы построили большой редут, окруженный рвом, палисадами и засеками и занятый несколькими сотнями человек с шестью орудиями. В ночи с 19 на 20 декабря (с 31 декабря на 1 января) прибыли к устью Неккара войска Сакена; в голове их генерал-майор Засс, с 8-м и 39-м егерскими полками и с Белостокским пехотным полком, первым переправился на лодках через Рейн; за ним следовал

генерал-майор Талызин 2-й, с 11-м и 36-м егерскими полками; войска эти атаковали неприятеля и овладели редутом с находившимися в нем четырьмя 18-фунтовыми пушками и двумя гаубицами; захвачены в плен семь офицеров и до 300 нижних чинов; остальные побиты. Со стороны русских урон вообще простирался до 200 (по другим сведениям – до 300) человек; в числе убитых был командир Белостокского полка подполковник Щолоков; в числе раненых: командир 39-го егерского полка полковник Ахлестышев и Белостокского полка майор Никитин. Вслед за тем австрийской службы майор Живкович немедленно приступил к наводке понтонного моста и окончил эту работу к шести часам вечера. Остальные войска Сакена переправились в тот же день на левую сторону Рейна. Король прусский был свидетелем этого дела и перешел через реку вместе с русскими войсками, которые приветствовали союзника и друга их государя громкими восклицаниями. На следующий день корпус двинулся к Вормсу, где захвачено более 200 человек больных французов и до 800 ружей, немедленно розданных безоружным людям, прибывшим из резервной армии. Генерал-майор Карпов 2-й, встретясь с неприятелем у селения Муттерштадта, опрокинул восемь эскадронов и взял в плен 25 офицеров и 200 нижних чинов, а генерал-майор принц Бирон, двинувшись с российско-прусским партизанским отрядом к Альцей (Alzey) для открытия сообщения с войсками графа Ланжерона и генерала Йорка, атаковал французов, захватил шесть офицеров и более 100 рядовых и отбил около 400 новых ружей, посланных из Майнца в Мец³³.

Довольно трудно объяснить, почему Блюхер назначил для переправы наибольшей части своих войск окрестности Каубе. Утвердительно можно сказать, что если бы неприятель оборонял там переправу, то союзники не успели бы перейти через Рейн. Теснина от Вейзеля до Каубе может удобно быть обозреваема и обстреливаема с высот левого берега реки. Французы, бросив в местечко Каубе несколько гранат и зажегши его, не позволили бы союзникам подойти к реке, а левый берег ее весьма скалист, что затрудняло дебуширование войск на противоположный берег. Но из обозрения, сделанного накануне переправы одним из офицеров прусского генерального штаба, оказалось, что в ближайших пунктах, Бахарахе и Обервезеле, было не более нескольких сот французов и что неприятель вовсе не ожидал здесь переправы. Быть может, сие обстоятельство и заставило Блюхера предпринять переправу у Каубе.

19 (31) декабря корпус Йорка расположился в этом местечке и деревнях, лежащих позади Каубе и Гоарсгаузена (Goarshausen). Войскам наистрожайше было приказано, чтобы ни один из солдат не показывался на берегу. Около полуночи Йорк подвел к самой реке 8-ю бригаду Гюнербейна с двумя ротами егерей; кавалерия и артиллерия сей бригады, усиленные семью эскадронами и 3-й конной ротой, расположились в Вейзельской теснине. Тогда же было приготовлено множество лодок; в полночь прибыли русские понтоны и немедленно приступлено к наводке моста. Одна 12-фунтовая батарея подъехала к берегу у Каубе; четыре 12-фунтовых орудия были выдвинуты на позицию несколько выше, у Гуттенфельса. Несмотря на шум, неизбежный при передвижениях войск, все оставалось спокойно на левом берегу Рейна. В половине третьего сели в лодки двести бранденбургских фузелеров под личным начальством графа Бранденбурга. Солдаты высадились близ караульного дома таможенной стражи, где горела свеча; по-прежнему все было тихо, но когда солдаты, несмотря на запрещение, огласили левый берег Рейна громким ура, раздались выстрелы из караульни и было ранено несколько фузелеров и жителей, добровольно служивших им проводниками. Неприятель в числе 400 человек с несколькими орудиями устремился из Бахараха и Обервезеля навстречу высадившимся войскам, но после небольшой перестрелки отступил. Один из преследовавших его отрядов занял Бахарах, а другой – Обервезель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.